

The background of the entire image is a dark, intricate maze. The maze is composed of concentric, irregular paths that spiral inward toward a central point. A small, bright red ball is positioned at the very center of the maze. A golden light emanates from the center, casting a warm glow on the surrounding walls of the maze and creating a sense of depth and mystery. The overall aesthetic is dark and enigmatic, suggesting a journey through a complex, perhaps psychological, landscape.

Дмитрий Витер

23 РАССКАЗА

О ЛОГИКЕ, СТРАХЕ И ФАНТАЗИИ

Дмитрий Витер

**23 рассказа. О логике,
страхе и фантазии**

«Издательские решения»

Витер Д.

23 рассказа. О логике, страхе и фантазии / Д. Витер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937924-5

«23 рассказа» — это срез творчества Дмитрия Витера, результирующий сборник за десять лет с лучшими его рассказами. Внутри, под этой обложкой, живут люди и роботы, артисты и животные, дети и фанатики. Магия автора ведет нас в чудесные, порой опасные, иногда даже смертельно опасные, нереальные — но в то же время близкие нам миры. Откройте книгу. Попробуйте на вкус двадцать три мира Дмитрия Витера — ведь среди них есть блюда, достойные самых привередливых гурманов!

ISBN 978-5-44-937924-5

© Витер Д.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Предисловие	8
Почему 23	9
23 процента	10
374	16
А я люблю кабаре	22
Борьба с возражениями	34
В левом ухе бога	39
Всем собакам мира	44
Закон парных случаев	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

23 рассказа О логике, страхе и фантазии

Дмитрий Витер

© Дмитрий Витер, 2018

ISBN 978-5-4493-7924-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе



Дмитрий Витер родился в 1975 году в Монино Московской области. Школьные годы провел в городе Шостка. Окончил мехмат МГУ, кандидат физико-математических наук (2002 год). Живет в Москве, женат, растит дочку.

С 1996 по 2016 годы работал в крупной иностранной компании, объездил весь мир. С 2016 года занимается индивидуальной карьерой бизнес-тренера в областях личной и командной эффективности, переговоров, креативности, публичных выступлений.

В 2016—2018 годах прошел обучение в московской киношколе «Свободное кино» на режиссерских, сценарных и продюсерских курсах.

Пишет стихи и рассказы, занимается переводами с английского языка. Лауреат Всероссийских Пушкинских студенческих конкурсов поэзии (1995—2000). Член Московской городской организации Союза писателей России с 1998 года. Стихи опубликованы в сборниках «Шестое измерение» (2002) и «Серебряные стихи виртуального века» (2009).

Призер литературных конкурсов «Рваная грелка», «Золотая чаша», «Фантрегата», «Азимут». Рассказы вошли в антологии «Самая страшная книга», «Темная сторона дороги», «Полдень», «Квартирный вопрос», в сборники «Роскон-Грелки», публиковались в журналах «Если», «Юный техник», «Меридиан», «Фантастика и Детективы», «Азимут», «Redrum».

В качестве переводчика сотрудничал в проектах по переводу романов Стивена Кинга «Под куполом», «Противостояние», «Кто нашел, берет себе», «Пост сдал», «Воспламеняющая», «Буря столетия».

Пишет сценарии («Все зомби любят кино», «Оригами», «Ушастик», «Кровавый попкорн») и снимается в кино («Атака советских зомби», «Странник», «Квест страха»).

Вместе с Алексеем Петровым (Санкт-Петербург) создал клуб любителей страшного кино «КЛУБ-КРИК» (klubkrik.ru) – портал рецензий и критических обзоров на фильмы ужасов, триллеры и фантастику.

КОНТАКТЫ

Телефон/WhatsApp/Viber: +7 916 6161428

Email: dmitrythewind@mail.ru

Социальные сети:

facebook.com/dmitrythewind

vk.com/dmitrythewind

Страница Фантлаба: fantlab.ru/autor14056

Проза.ру: proza.ru/avtor/thewind

Стихи.ру: stihi.ru/avtor/thewind

Предисловие

Когда-то Дуглас Адамс в своем небезызвестном романе дал ответ на «Главный вопрос жизни, вселенной и всего такого» – и этим ответом было «42».

Там это было пародией, намекало на то, что в числе «42» нет никакого смысла, мол, на глобальные вопросы не бывает простых ответов, а число само по себе не может значить ничего кроме самого числа.

Дмитрий Витер к знакам и числам относится гораздо серьезнее, и его «23» несет не только явный смысл, но и ряд подтекстов.

Во-первых, конечно же, это количество рассказов в сборнике. Рассказов ярких, сильных, необычных. Рассказов, в которых смешиваются страх и любовь, математика и безумие, обыденность и нереальность.

Во-вторых, число это перекликается с одним из самых страшных – но в то же время и самых лиричных рассказов сборника, «23 процента».

В-третьих, число в названии дает читателям подсказку: автор ставит своими рассказами перед читателем задачи, но редко дает на них прямой ответ – чаще читателю придется самостоятельно подумать над разгадкой, и для тех, кто любит хорошую фантастику и не лишен логики, поиск разгадок придаст повествованию дополнительный – и весьма немалый – шарм.

И в-четвертых – в названии есть четкое и недвусмысленное указание на то, что сборник оригинален. Да, может сложиться впечатление, что название слишком уж просто – но это только до того момента, когда вы перевернете первую страницу.

«23 рассказа» – это срез творчества Дмитрия Витера, результирующий сборник за десять лет с лучшими его рассказами. Внутри, под этой обложкой, живут люди и роботы, артисты и животные, дети и фанатики.

Здесь прорастает сквозь жизнь волшебство кино, а из обыденности тянет свои электронные ростки чудо. Магия автора ведет нас в чудесные, порой опасные, иногда даже смертельно опасные, нереальные – но в то же время близкие нам миры.

И как бы далеко не завела нас фантазия автора, кажется, что все написанное рядом. За стеной, за призрачной пленкой кошмара, в ненаписанной главе учебника истории.

Откройте книгу. Попробуйте на вкус двадцать три мира Дмитрия Витера – ведь среди них есть блюда, достойные самых привередливых гурманов!

Эльдар Сафин

Почему 23

Почему 23? Долгая история. Если вы начинаете верить в 23, оно не отпустит. Поэтому к каждому рассказу вступление будет из 23 слов. Проверьте :)

Дмитрий Витер

23 процента

Один из конкурсных «грелочных» рассказов. Это неправдоподобная история о неведомом апокалипсисе. Но важнее физики для меня чувства, которые раздирают семью, словно силы гравитации.

– А вот и я! – закричал с порога папа.

Когда он уходил в середине дня, Ромка уже заподозрил неладное. Уж слишком неубедительны были все эти «проверю генераторы», «заменю лампы», «не задавай глупых вопросов». Так и есть.

Ирка выскочила из детской, как метеорит, захлопала в ладоши и закружилась по прихожей, пока папа, пятясь, проходил в дверь, медленно втаскивая за собой пушистую елку, всю усыпанную снежными хлопьями. Квартира сразу наполнилась дурманящим запахом хвои. Комья снега падали на пол, превращаясь в грязные лужи, и Ромка пошел в ванную за тряпкой.

Мама сидела в кухне за чистым столом: ни тарелки, ни чашки, ни стакана. Просто смотрела куда-то мимо сына, в черный квадрат окна. Она сидела в такой позе с самого обеда, когда папа пошел «по делам», а на самом деле – за елкой.

– Мам, папа пришел, – сказал Ромка.

Мама кивнула головой.

Ромка вернулся в прихожую, присел на корточки и тщательно вытер лужи. Отец сильно топал ногами, отряхивая снег с ботинок, порождая новую сырость. Ирка норовила потрогать елку, уколола палец о зеленые иглы и тут же разревелась, но мысль о близости Нового года не давала ей долго грустить.

– Ромка, чего застыл! Ты ж большой уже! Давай, помогай втащить красавицу в комнату. Ну-ка!

Ромка кинул в угол мокрую тряпку, ухватил елку за смоляной ствол поближе к основанию и помог отцу внести ее в центр большой комнаты.

– Настя! – крикнул папа на всю квартиру. – Где у нас тренога?

– На антресолях, – ответила мама из кухни после паузы. Ее голос напомнил Ромке столбики цифр, которые висели над его кроватью – такие же ровные и равнодушные. Простые факты. Продукты – в холодильнике. Пепел – в мусоросборнике. Тренога – на антресолях. Ни больше, ни меньше.

– Так, Ром, быстро тащи сюда треногу! – скомандовал папа. – А то я себе уже все пальцы исколол, пока дотащил. В следующий раз будешь помогать.

Ромка метнулся в кухню, искоса бросив взгляд на неподвижную маму, схватил табуретку, подтащил к антресолям и взобрался на нее. Створки распахнулись, окатив его запахом ненужных вещей. Его детские лыжи. Резиновые сапоги. Теннисные ракетки. Гамак. Солнцезащитные очки.

– Ну, чего ты там копаешься? – нетерпеливо крикнул из комнаты отец.

– Пап, а игрушки доставать будем? – спросил Ромка, глядя на картонные коробки с мятыми углами, стоящие возле треноги.

– Конечно! Ну, а кто у нас будет наряжать елку? – молодежато протрубил отец.

– Я!!! Я!!! – заверещала Ирка. – Только, чур, я буду вешать игрушки внизу, потому что я еще маленькая.

– Ничего себе маленькая! Двенадцать лет! – пожурил ее папа.

Ромка внес в комнату треногу и поставил ее в центр комнаты.

– Шесть, – сказал он. – Папа, Ирке всего еще шесть. Это мне двенадцать. Считай по-старому.

– Вот заладил! Двенадцать, двенадцать! – перекинул его папа, и Ирка захохотала. – Совершеннолетний уже, а туда же, в малыши записался.

– Ма-лыш, ма-лыш, ма-лыш! – Ирка запрыгала на одной ноге, показывая пальцами на брата.

Ромка вздохнул и помог отцу вставить елку в треногу. Папа затянул болты, отошел и любовался на результат.

– Ну-ка, Ром, посмотри, не криво стоит?

– Нет, не криво.

Елка действительно стояла гордо и прямо – посреди комнаты, распространяя вокруг новогодний душный запах. Ромка знал, что если прищуриться, то можно увидеть в ворсинках ковра пожелтевшие еловые иголки от прошлого Нового года – сколько бы он ни пылесосил ковер, они всегда оставались. И каждый раз их становилось больше и больше.

– А теперь – и-и-игрушки! – скомандовал папа.

– И-и-и-игрушки!!! – завопила Ирка и стремглав полетела в прихожую. Вскочив на табуретку, она попыталась добраться до антресолей, но роста ей не хватало.

– Давай я, – сказал Ромка. Ирка покорно уступила брату место на табуретке и с благоговением смотрела, как из недр антресолей появляются заветные картонные коробки.

Каждая была скрупулезно подписана. «Шары». «Гирлянды». «Мишура». «Сказочные персонажи». «Разное».

– Я первой повешу шарик! – заявила Ирка. Едва дождавшись, пока папа разрежет ножницами липкую ленту, она быстро сунула руки в коробку, достала наугад синий шар и закружилась с ним вокруг елки, ускоряясь все быстрее и быстрее.

– Новый год к нам мчится! Скоро все случится! – фальшиво завопила она старенькую мелодию. Ромка нахмурился – когда мама слышала эту песню, то начинала плакать.

У Ирки закружилась голова, и она остановилась.

– Дай нитку! – попросила она.

Ромка достал из коробки с гирляндами моток ниток и привязал шарик. Ирка изловчилась и повесила игрушку на густо усеянную иголками нижнюю ветку. Шарик покачался, словно взбесившийся маятник Фуко, и остановился.

– Молодчина! – похвалил ее отец. – Начало положено.

Ромке послышалось, что из кухни донесся всхлип.

– Пап, я пойду проверю, как мама, – сказал он.

Отец рассеянно кивнул, разматывая запутавшиеся гирлянды.

Ромка пришел в кухню и сел на стул.

– Мам, – тихо сказал он. – Пойдешь наряжать?

Она не ответила, но Ромка увидел, как задвигались под кожей ее скулы. Он положил руку на стол, коснувшись пальцами маминого локтя.

– Мам, – повторил он. – Ты как?

– Все хорошо, – ровным голосом сказала она, снова напомнив Ромке про столбики чисел, висящие на стене в его комнате. – Все хорошо. Не забудь почистить зубы.

На часах было почти десять вечера, когда Ирка утомилась настолько, что сон пересилил ее желание уж на этот раз точно застукать Деда Мороза с полочным. По ее замыслу, он появлялся из мусоросжигателя – он больше всего походил на закопченные трубы из книжек.

Папа вызвался ей почитать на ночь. Из Иркиной комнаты доносился его уверенный бас – кажется, они читали «Маленького принца».

Ромка с мамой сидели на диване в большой комнате и смотрели на елку. Пышную. Пахнущую хвоей и праздниками. Тщательно украшенную рядами шаров, шишек, шелкунчиков, солдатиков, пересеченную гирляндами, обсыпанную мишурой. Отличная. Новогодняя. Фантастическая. Не хватало только мандаринов. По какой-то причине ни в кладовых, ни в генераторах биосинтеза их не было. Ирка даже не знала такого слова, а для Ромки без мандаринов праздник был не праздник.

Ромка сжал в ладони холодные пальцы матери. Они напоминали ему сосульки внутри продуктовых холодильников.

– Мам... – тихонько позвал он. – А мы утром подарки будем друг другу дарить? Как раньше?

Вместо ответа мама погладила его по голове. Потом встала и вышла в спальню.

Ромка тоже пошел к себе. Разделся. Выключил свет. Лег в постель и стал водить пальцами по столбику чисел.

Триста шестьдесят пять...

Триста шестьдесят пять...

Триста шестьдесят пять...

Глаза слипались, из большой комнаты надсадно тянуло хвоей, а в голове, как отпечаток на сетчатке после долгого смотрения на лампочку, раз за разом повторялось, как Ирка кружится вокруг елки с синим шариком в руке. Круг... Триста шестьдесят пять... Еще круг... Триста шестьдесят пять...

Ромка поставил палец не еле различимый в темноте столбик и повел пальцем сверху вниз. Бумага была плотной, скатавшейся от многократных прикосновений. Ромка не видел чисел, но знал, что они там были. С того самого дня, как они оказались тут. Триста шестьдесят пять... Ирка смеется, кружится, триста шестьдесят пять, кружится...

Двести восемьдесят один.

Ромке было девять, когда всё случилось. Ирке – три. Поэтому он помнил, а она – нет. Поэтому она радовалась Новому году. А он – нет.

Двести шестнадцать...

Сто шестьдесят шесть...

Сто двадцать восемь...

Все быстрее и быстрее кружилась Ирка в темноте, все меньше и меньше становились цифры, все ниже опускался палец по столбику чисел.

Ноготь зацепился за шероховатость истертого листа, и бумага с оглушительным треском порвалась.

Ромка открыл глаза. Он включил ночной свет и увидел, что лист оторвался как раз на сегодняшней точке спирали. Тридцать четыре бывших дня в году.

Шлепая босыми ногами, он прошел мимо елки в спальню родителей. Мама спала одна, свернувшись на левой стороне кровати, обхватив колени, – прямо как его сестренка. Папа обнаружился в комнате Ирки. Он сопел, прихрапывая, откинувшись в кресле у ее кровати. Книжка сползла с его колен на пол. Ирка спала, широко раскинув руки, чему-то улыбаясь во сне. Ночник отбрасывал на ее лице причудливые тени.

Она радовалась Новому году. Гребаному. Новому. Году.

Ромка выбежал в большую комнату и, не раздумывая, налетел на елку, вложив в удар всю массу своего худенького тела. Зеленые иглы вонзились в него, как колючая проволока. Елка покачнулась, прошла невидимую точку невозврата и рухнула на пол.

– Получай! На! Вот тебе! – кричал Ромка сам не свой, прыгая по лежащему противнику босыми ногами, не чувствуя, как в стопы врезаются осколки разбившихся игрушек. – Ненавижу тебя! Ненавижу Деда Мороза! И папу!

Храп в Иркиной комнате прекратился. Папа зашевелился там, как темный косматый медведь. Он шел сюда. Шел, чтобы увидеть, что Ромка натворил.

Ромка выбежал в прихожую, повернул ключ и выскочил наружу, под мигающий белый свет флуоресцирующих ламп.

Холодный бетон обжигал ноги, а Ромка бежал.

Мимо запечатанных дверей других квартир. Мимо холодильных камер, таких больших, что когда-то маленький Ромка умудрился там потеряться и чуть не замерз насмерть. Мимо генераторов биосинтеза растений, возле которых все было усыпано еловыми иглами – иссохшими, желтыми, а еще свежими, зелеными. Мимо камер для сжигания мусора, отходов и человеческих тел. Мимо забытого кем-то трехколесного велосипеда. Мимо библиотеки, откуда папа принес «Маленького принца».

Темный косматый медведь сзади догонял. Он шумел, топал ногами, звал. Звал Ромку по имени.

Ромка думал, что сейчас он споткнется. Грохнется о бетонный пол, как поверженная елка. И если в падении он ударится головой достаточно сильно, то ему не нужно будет больше повторять цифры в столбике. Сто двадцать восемь. Девяносто восемь. Семьдесят шесть. Пятьдесят восемь. Сорок пять. Тридцать четыре.

Тридцать четыре. Сегодня было как раз тридцать четыре.

Он просто остановился, словно врезался в разверзнувшееся гравитационное поле, уперся руками в колени и тяжело задышал. Только сейчас он почувствовал, как болят его изрезанные осколками и немеющие от холодного бетона ноги.

Папа нагнал его и чуть не врезался.

– Ромка! – закричал он. – Сынок!

Он оторвал его от пола, прижал к себе, и запах был сразу всем – домом, пижамой, большой комнатой, елкой. Новогодней елкой.

Папа нес его домой на руках. Ромка смотрел в потолок и смотрел, как плывут вверх белые трубки ламп.

В квартире было тихо. Ни мама, ни Ирка не проснулись от ночного переполоха.

Папа зажег свет на кухне, усадил Ромку на стул, осторожно вынул из ран мелкие разноцветные осколки, обработал ранки перекисью. Раздобыл на антресолях шерстяные носки и натянул Ромке на ноги. Перенес его в комнату, перешагнув по дороге через лежащую навзничь елку. Уложил в кровать.

Ромка лежал в темноте, чувствуя, как колыхнется от дуновения вентиляции оторванный кусок бумаги на стене.

– Пап... – тихо сказал он.

– Что?

– А ты где снег взял?

Папа шумно задышал в темноте. Все-таки он запыхался, пока нес Ромку на руках. Худенький, но уже не пушинка.

– В морозильной камере, – ответил он.

– Это ты хорошо придумал. Ирке понравилось.

Они помолчали.

– Пап...

– Что?

– Мне страшно.

В наступившей тишине ничего не было слышно. Словно папа нырнул в прорубь в прежнюю январскую стужу, задержав дыхание.

– Мне тоже, – наконец ответил он.

– Сколько будет длиться следующий год? – спросил Ромка. Хотя и прекрасно знал ответ. Просто он хотел, чтобы отец сам сказал это вслух.

– Как всегда, на двадцать три процента короче предыдущего. Двадцать шесть.

– А потом?

– Двадцать.

– А потом?

– Спи давай.

Ромка заворочался, чувствуя, как теплеют его ноги. Запах елки в большой комнате больше не казался ему удушающим. И даже мандаринов не хотелось.

– Пап? – он все еще говорил шепотом.

– Ну что?

– А что мы подарим Ирке на Новый год?

Папа молчал.

– Я видел трехколесный велик возле библиотеки, – сказал Ромка. – Ты туда сейчас не ходи. Утром скажем, что Дед Мороз оставил там подарок. Пусть сама найдет.

– Ты хороший брат.

– Пап?

– Ты будешь спать, укротитель несчастных елок?

– А что случится, когда все кончится?

Папа снова помолчал, потом достал из кармана носовой платок и шумно высморкался.

– Все кончится, – ответил он.

– Но пока еще не кончилось?

– Пока нет.

– Хорошо, – сказал Ромка, повернулся на бок и закрыл глаза.

Сквозь сон он слышал бряцание и звон в большой комнате – отец ставил елку обратно.

Ромке снова снилось, как Ирка бежит вокруг елки с голубым шариком в руке. Все быстрее и быстрее. Все ближе и ближе к зеленым протуберанцам ветвей. Каждый новый круг на двадцать три процента короче предыдущего. Съезживающейся спиралью в гравитационном поле.

Триста шестьдесят пять. Двести восемьдесят один. Двести шестнадцать...

– Папа, папа, смотри, что Дед Мороз натворил! – кричала Ирка, немилосердно разбивая Ромкин сон, как елочную игрушку.

Ромка потянулся, включил свет на дневной режим. Спустил ноги с кровати и поморщился – порезы ныли, но сам виноват. Нечего было закатывать истерику, как маленький.

Ромка вышел в большую комнату. Папа, и правда, привел все в порядок, но игрушек явно стало меньше. В ковре еще сверкали осколки.

Мама включила пылесос и деловито собирала их в черный пакет. Она шмыгнула носом и улыбнулась Ромке.

– Папа, Дед Мороз, что, разбил наши игрушки? – недоуменно протянула Ирка, показывая на поредевшую елку.

– Нет! – возразил папа. У него были красные глаза, словно он совсем не спал этой ночью. Убирал осколки. Или плакал. Или то и другое. – Просто он отнес елочные игрушки другим детям.

– А где другие дети? А мне можно с ними поиграть?

– Э... Зайчонок... Поиграй с Ромкой. Кстати, мне кажется, Дед Мороз оставил тебе кое-что возле библиотеки.

И папа едва заметно подмигнул сыну.

– Ура! – закричала Ирка. – Новый год наступил!

– Новый год наступил, – повторил папа.

– Новый год наступил, – повторила мама. Она уже закончила пылесосить, и осколков было совсем не видно. – Смотри, что я нашла под диваном.

И она протянула Ирке синий шарик с короткой оторванной ниткой.

– Кажется, Дед Мороз решил вернуть его тебе. Потому что он тебе очень нравится, – сказала мама.

Ирка схватила шарик, и Ромка помог ей повесить его на ветку.

– Пап, а когда следующий Новый год? – спросила Ирка, оборачиваясь.

– Скоро, малышка.

– А когда скоро?

Ромка быстро прикинул. Тридцать четыре дня минус двадцать три процента. Двадцать шесть с хвостиком.

– Совсем скоро, – ответил папа.

– Ура!!! – завопила Ирка. – Я снова стану на год старше быстрее, чем за месяц.

– Хватит астрономии! – заявила мама. – Пойдем смотреть, что подарил Дед Мороз.

Они надели тапочки и вышли из квартиры, не закрывая за собой дверь.

374

Я математик, а наука – тоже религия. Так что нечего спорить: понемножку правы все. А к правильному поступку тебя могут толкать совсем неправильные люди.

– ...Триста пятьдесят, триста пятьдесят один, триста пятьдесят два...

Когда Антон вышел из подъезда, Маша уже ждала его и молилась. Прерывать ее в этот момент не стоило – она расстраивалась, если ей не давали досчитать до главного числа. Лицо девушки застыло и побледнело, брови нахмурились, с губ глухим речитативом срывались числительные:

– ...Триста семьдесят два, триста семьдесят три, триста семьдесят четыре!

Маша остановила счет, словно наткнулась на невидимую преграду, глубоко вздохнула и открыла глаза. Увидев Антона, она улыбнулась пленительной улыбкой, за которую он мог отправиться с ней хоть на край света.

– Привет! Ну что, герой, готов?

– Вроде да.

– Тогда пойдем, а то опоздаем, – она внимательно посмотрела на Антона. – Ты точно уверен, что хочешь этого?

– Уверен.

По традиции в такой день до Числови следовало идти пешком: как говорила старая поговорка, долгий путь начинается с первого шага, а натуральный ряд – с первого счета. Выходя со двора, Антон обернулся и, запрокинув голову, отыскивал окна своей квартиры – кажется, мама до сих пор стояла там и смотрела ему вслед из-за занавески.

Они вышли на проспект, ведущий в центр. Встречая на своем пути числа, – номера домов, рейсовых автобусов, телефонные номера на досках объявлений – Антон пытался представить, насколько иначе будет выглядеть мир уже сегодня вечером, когда все закончится. Все числа отныне будут другими... словно кто-то вручит ему собственный ключ от всех загадок жизни.

– Маш, расскажи еще раз, как это работает!

– Ты не поймешь, пока сам не почувствуешь! – она показала на число «374» на своей футболке. – Это знаки, их надо уметь читать. Помнишь, какого числа мы с тобой познакомились?

– Третьего июля.

– В четыре часа вечера! Третьего числа седьмого месяца в четыре часа! Это судьба!

– Но это еще ни о чем не...

– Какой у тебя номер дома?

– Дом 37, корпус 4.

– А номер телефона на какие цифры заканчивается?

– На 374...

– Вот видишь! Это все знаки! Мое число меня еще ни разу не подводило!

Маша светила от счастья, словно сегодня отмечали ее праздник, а не Антона. Число на футболке сообщало всему миру, что она под защитой натурального ряда – и скоро Антон не будет выглядеть рядом с ней безликим и бесчисленным.

– Слушай, а ничего, что мы празднуем вечером у меня? Родители, конечно, рады, закатят пир горой, но... это же твой день. Твоя мама не обидится?

Антон покачал головой. Маша замедлила шаг и пытливо посмотрела Антону прямо в глаза.

– Надеюсь, она не против?

– Нет, что ты... Она... не возражала.

Формально так и было. Мама не возражала, точнее, не сказала ни слова. Вместо ожидаемых упреков и напоминаний об отце она просто замкнулась в себе, подошла к окну и даже не повернула головы, когда Антон выходил из дома.

Они уже находились в центральной части города – храмы всех возможных конфессий встречались здесь на каждом шагу: покосившиеся хибары примитивистов, маленькие амфитеатры служителей культа числа «пи», изрисованные наклонными линиями постройки иррационалистов. Преградив путь, посреди тротуара стоял человек в помятом костюме и держал в руках рисунок: квадрат с пунктирной диагональю. Незнакомец шагнул к Маше и зашипел, тыкая пальцем в нарисованную диагональ:

– Корень из двух! Видишь? Он существует! Где в твоём натуральном ряду корень из двух? Покайся!

Маша вцепилась в руку Антона, и они пошли быстрее.

– Ненавижу иррационалистов... – зашептала она, опасливо озираясь через плечо. – Просто маньяки какие-то!

– Хорошо, что я у тебя не такой! – Антон натянуто улыбнулся.

Про себя он давно решил, что уж лучше бы стал иррационалистом или примитивистом – хоть кем-нибудь. Когда он познакомился с Машиными родителями, то первый же вопрос, который с порога задал ее отец – крупный мужчина с лицом нездорового красного цвета – был: «А вы какого вероисчисления будете, молодой человек?» Всегда этот вопрос... Встречая такой пункт в анкетах, Антон опускался в самый низ списка, чтобы поставить галочку напротив сиротливой строчки: «Обесчисленный», но когда вопрос задавался вот так, глаза в глаза, почему-то робел, отнекивался и пытался перевести разговор на другую тему. В тот раз Маша пришла ему на помощь, прошебетав: «Папа, ну что ты сразу с порога, дай человеку войти!» Но Антон уже чувствовал на себе осуждающий взгляд хозяина дома... Кажется, именно в тот день за обеденным столом, когда после очередного неловкого вопроса повисла гнетущая тишина, Маша озвучила вслух идею об очислении... Мол, ничего страшного, обряд можно проходить и взрослым. А уж если Маша бралась за что-нибудь, то всегда доводила дело до конца...

Они перешли улицу. Народу здесь было гораздо больше: повсюду шныряли шумные торговцы разномастной атрибутикой – четки, счеты, амулеты примитивистов, спиралевидные медальоны почитателей чисел Фибоначчи...

– Не верь тому, кто соблазняет тебя ложными числами!.. – восклицала пожилая женщина, зажав в руке целую связку амулетов в виде буквы «Ф», – ...ибо нет других чисел, кроме нуля и единицы!

Антон отмахнулся от примитивистки, крепче взял Машу за локоть и поспешил вперед.

– Ты знаешь, почему у них такие амулеты? – спросила Маша, когда они вышли из толпы торговцев.

Антон знал. Буква «Ф» состояла из круга-нуля и палочки-единицы. На лекциях по теологии в университете обычно с этого начинали: есть пустота, и есть прибавление единицы – так получались все остальные числа. Интересная теория, но ничуть не лучше остальных. Когда дело доходило до фанатизма, приверженцы всех теорий оказывались похожи друг на друга – сжатые кулаки, искаженные гримасой лица, крик... Так выглядел и отец незадолго до того, как ушел в натуральный ряд: его накрывала волна перечислительного экстаза, он мог считать часами, без передышки, перемежая монотонный речитатив вскриками, бессвязными именами, не реагируя ни на кого вокруг...

Они прошли через тенистый парк, где на отполированных до блеска валунах сидели судокуманы, зажав в руках мятые листки и карандаши. Антон читал однажды, что количество всех комбинаций sudoku исчисляется семнадцатизначным числом, так что работы этой секте хватит надолго.

Увидев свободный камень, Маша предложила передохнуть. Антон примостился рядом.

– Уже почти пришли, – она махнула рукой туда, где в просвет между деревьями виднелся устремленный ввысь небоскреб Числови. – Ты не хочешь помолиться со мной?

– А разве до очисления можно?

– Конечно можно! Ты просто еще не знаешь своего главного числа. Ничего, уже скоро!

Маша сложила руки на коленях, кивнула головой и начала считать речитативом: «Один, два, три, четыре, пять, шесть...» Антон пытался повторять за ней, но сбился уже на втором десятке. Маша, казалось, не заметила этого и продолжала двигаться вперед по натуральному ряду. Антон многое бы отдал за то, чтобы испытать те же чувства – спокойствие и защищенность – но вместо этого ощутил лишь знакомый приступ неловкости, граничащий с раздражением. Он глубоко вдохнул, пытаясь отвлечься от чисел, сосредоточиться на теплом солнечном свете, на зеленой листве, на шероховатой поверхности камня. Он сделает так, как хочет Маша. Если не ради себя, то ради нее. И пусть мама не обижается – он уже взрослый и волен выбирать вероисчисление по собственному желанию... Даже после того, что случилось с отцом.

– Простите...

Антон открыл глаза – рядом с ними стоял худенький старичок с пачкой листов-sudoku в одной руке и острозаточенным карандашом в руке. Прокашлявшись, старичок пролепетал:

– Простите, но я прошу вас освободить это место для sudoku-медитации...

Никак не отреагировав, Маша продолжала считать, погруженная в себя. Антон виновато улыбнулся старику, и тот понимающе закатил глаза.

Когда молитва закончилась, они вышли из парка и пересекли запруженную автомобилями дорогу.

– Вот и пришли, – сказала Маша и быстро, на одном дыхании, сосчитала до десяти, загибая пальцы на каждом счете.

Как и все Числови Натурального Ряда, здание представляло собой узкий небоскреб, уходящий зеркальной отвесной стеной. У раздвижных дверей стояли двое рослых охранников.

– Мария, главное число 374, – очаровательно улыбнувшись, девушка протянула им удостоверение прихожанки Числови святого Пифагора. Антон предъявил билет на церемонию очисления, и они прошли внутрь.

– После обряда тебе тоже постоянный пропуск дадут, – возбужденно шепнула Маша, пока они шли по просторному кондиционированному холлу к лифтам. – Вынужденная мера, чтобы нулевики не пробрались.

Антон кивнул – он слышал про отколовшуюся от Числови ветвь радикальных верующих, считающих ноль, а не единицу, началом натурального ряда, а потому полагающих, что основа мироздания – пустота и разрушение.

Войдя в лифт, Маша скользнула пальцами по гладким кнопкам, начиная с первой.

– Видишь! Натуральный ряд везде с нами. Просто ты пока это не всегда замечаешь.

Числовня располагалась на одиннадцатом этаже, и Антону не требовалось напоминания Маши, чтобы заметить, что 374 делится на 11 – в этом, разумеется, крылось удачное предзнаменование. Обширное круглое помещение было погружено в полутьму – ярко освещался лишь центр числовни, откуда во все стороны, словно лучи, тянулись по полу дорожки чисел. Там, в сосредоточении лучей, стоял бородатый Числовник, одетый в бесформенное мешковатое одеяние из светлой ткани, как у святого Пифагора, каким его изображали на древних фресках. Густая борода и усы, кажущиеся золотистыми в ярком освещении, делали неопределен-

ным возраст Числовника; из-под его круглой белой шапочки, покрытой вышитыми числами, торчали клочки рыжеватых волос.

Маша подтолкнула Антона вперед, и он подошел ближе к центру числовни, попав в ярко освещенный круг. Числовник возложил руки Антону на плечи и, слегка надавив, заставил его опуститься на колени.

– Пришел ли ты сюда по собственному волеизъявлению и с чистыми намерениями? – высоким хорошо поставленным голосом спросил Числовник.

– Да...

– Готов ли ты принять натуральный ряд, основу мироздания и порядка во Вселенной?

– Готов...

– Клянешься ли ты уважать и чтить главное число свое, что будет тебе добрым знаком?

– Клянусь.

Числовник положил руки на лоб Антону и начал считать – медленно, затем все быстрее и быстрее. Позади Антона, стоя в сумраке, Числовнику тихонько вторила Маша.

Антон вслушивался в течение натурального ряда, пытаясь представить себе, как он проходит сквозь тело, очищая, наполняя живительной силой. Он столько раз слышал, как это происходит – когда-то от отца, а теперь от Маши, но все равно ничего похожего не ощущал. Стоять на коленях было неудобно и холодно. Скорей бы уж Числовник остановился, назвав его главное число. Вдруг у них с Машей числа совпадут – это будет добрый знак.

– Триста тринадцать, триста четырнадцать, триста пятнадцать...

Антону стало жарко – то ли от лампы над головой, то ли от волнения. Жара... И числа... Мужской голос, так похожий на отцовский, бубнит их себе под нос, и Антон не знает: он все еще в числовне или вернулся домой – в пространстве и во времени.

Отец считает – неистово, яростно, с надрывом. Антон только что пришел из школы и с порога слышит – что-то не так. Он бросает тяжелый ранец на пол и бежит в комнату. Его обдает волна свежего воздуха – окно распахнуто, и отец стоит на подоконнике, наклонившись вперед. Левой рукой он цепляется за оконную раму и продолжает считать – так быстро, что отдельных чисел уже не разобрать.

– Папа! – Антон кричит и тут же зажимает себе рот рукой: прерывать молитву нельзя. Отец останавливается. Смотрит на сына через плечо – и выглядит совершенно чужим человеком.

– Прости, – говорит он тихо. – Я хочу досчитать до бесконечности. Но я не могу.

Отец поворачивает голову, еще секунду смотрит вперед, в пространство, и отпускает оконную раму...

– Нет!

Числовник остановился, запнувшись на полуслове. Маша тихо охнула. Антон снова здесь спустя десять лет после того дня, когда отец в последний раз говорил с ним.

– Нет! Стойте! – повторил Антон, вставая с колен и стряхивая с себя руки Числовника. – Простите.

Он повернулся к Маше.

– Извини... я не могу. Я... просто не могу.

Он выбежал из числовни и, не дожидаясь лифта, побежал вниз по пожарной лестнице. На полпути он поймал себя на мысли, что считает ступеньки и выругался.

Будь он неладен, этот натуральный ряд. Мама так всегда и говорила.

Отец не прыгнул из окна в тот день, но и не остался с ними. В последний момент он удержал равновесие, обмяк, сполз с подоконника на пол и, привалившись к холодной батарее, продолжил считать с того самого места, на котором его прервал Антон. И больше не останавливался. С работы пришла мама, вызвала скорую. Отца увезли, и с тех пор он не возвращался домой. Когда Антон посещал его в последний раз месяц назад, поседевший отец сидел в белой комнате с мягкими стенами и продолжал неразборчиво бормотать числа, никак не реагируя на его присутствие...

Антон спешил вниз по пожарной лестнице, задыхаясь, пытаясь убежать от образа отца в белой комнате, от натурального ряда, от Маши, от себя самого...

С грохотом распахнув дверь в вестибюль первого этажа, Антон побежал к выходу. Краем глаза он увидел, как Маша выходит из лифта, а за ней спешит путающийся в белом балахоне Числовник.

– Антон, стой! Ты не можешь...

Он опрометью выскочил на улицу. Впереди маячил прохладной зеленью парк, и Антон побежал туда прямо через дорогу.

Он услышал визг тормозов и едва успел повернуть голову. На него стремительно надвигался желтый автобус. Антон почувствовал резкий толчок – и провалился в темноту, как будто нулевики взорвали сразу весь мир.

– Не бойся, натуральный ряд тебя не оставит...

– Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

Голова кружилась, перед глазами плясали цветные круги, словно огромные нули. Антон попробовал пошевелиться – руки-ноги, кажется, целы.

– Он всегда с тобой, веришь ты в него или нет...

– ...восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать...

Антон лежал на траве – тонкие стебли щекотали запястья. Голова покоилась на чем-то мягком, как на подушке. Антон разлепил глаза.

– И он тебя никогда не покинет...

– ...тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

Рядом на траве сидел бородатый Числовник – голова Антона бережно покоилась у него на коленях. Числовник говорил с ним и делал движения руками в воздухе, словно двигал костяшки на невидимых счетах. Но кто считал вслух?

Антон снова закрыл глаза и прислушался.

– ...шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...

Считал не Числовник. Это был стук его собственного сердца – бился в груди, колотил в висках, подрагивал в венах – этот счет существовал независимо от его сознания и означал жизнь.

– ...двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три...

Антон открыл глаза и медленно сел на траве.

– ...ты меня слышишь? Антон! Да скажи ты хоть что-нибудь!

Маша. Она стояла впереди собирающейся толпы у самого входа в парк – из-за ее плеча выглядывал любопытный старичок-судокуман.

– Я... я в порядке. Что случилось?

– Что случилось? Ты бежал, как сумасшедший, через дорогу, и тебя бы точно сбил автобус, если бы он... – она ткнула пальцем в Числовника... – тебя не оттолкнул. Рискуя жизнью, между прочим! А ты!.. Ты...

Антон встал, непроизвольно коснувшись затылка и поморщившись. Кажется, будет шишка. Числовник поднялся вслед за ним.

– Маша, прости... Я...

– Прости? Ты меня за дуру полную держишь, да? Я с тобой уже почти год, все ждала, когда ты, наконец, образумишься, все для тебя организовала, привела, а ты... сбежал! Сбежал с очисления, позор какой, ноль меня разбери!

Антон молчал, потупившись. Числовник, убедившись, что парень в порядке, отряхнул траву с помятого балахона и, протиснувшись сквозь толпу зевак, пошел обратно в Числовь. Маша не унималась.

– А детей своих ты тоже так будешь воспитывать? Обесчисленными? Бездуховными? Да ты просто трус! Неблагодарный! Ты хоть Числовнику спасибо сказал?

– 374.

– Что?

– Номер автобуса, который меня чуть не сбил. Он так налетел, что я увидел только номер. 374, – Антон задумался на секунду. – Ой, прости, это же твое главное число.

Маша стремительно шагнула вперед и отвесила Антону звонкую пощечину. Потом повернулась, оттолкнула старичка с sudoku и пошла прочь. Антон смотрел ей вслед и считал ее шаги. Один, два, три, четыре, пять... Она шла прямо по натуральному ряду, даже не замечая этого. Высоко в небе над нею плыли пушистые облака – одно, второе, третье... Антон опустился на колени, зажал пятерней горсть травы и поднялся. В кулаке остались вырванные травинки. Антон непроизвольно сунул их в карман, пообещав себе потом обязательно сосчитать.

Прохожие, убедившись, что представление окончено, стали расходиться – их число таяло с каждой секундой, и Антон ощутил укол беспокойства, словно на его глазах числа двинулись в обратную сторону, уменьшаясь и исчезая.

«Не бойся, натуральный ряд тебя не оставит», – вспомнилось ему, и он улыбнулся.

Ему действительно этого не хватало. Того, что пребудет с ним, когда замкнется в сумасшествии отец. Когда ожесточится от горя мать. Когда девушка бросит посреди зеленого тенистого парка. Натуральный ряд струился в его жилах, бился в сердце, плыл в облаках, обнимал невидимыми руками.

Антон хотел крикнуть Маше что-то вдогонку, но лишь кивнул ей вслед. Он повернулся к выходу из парка, дождался зеленого сигнала светофора и, перейдя дорогу, вошел в Числовь.

А я люблю кабаре

Оммаж бронепойным нуарам Ли Чайлда в атмосфере «Кабаре» Боба Фосса и антураже «Тайны третьей планеты». И я люблю свистеть даже там, где нельзя.

Я увидел Свистуна на перекрестке 23-й авеню и Эппл-стрит. Хотя это не совсем верно. Сначала я его слышал. Над серой улицей, прополаскиваемой холодным бесконечным дождем, вдруг появилась мелодия – вкрадчивая, тихая, проникающая в самое сердце. Кто-то насвистывал ее так нежно, как колыбельную. Я никогда ее не слышал раньше, но почему-то сразу как будто оказался в другом месте и в другом времени – на берегу моря, в тихом курортном городке, свободный и безмятежный. Я встряхнулся и снова очутился здесь, в Робот-Сити, под струями неумолимого дождя. Я направился в сторону, откуда раздавался этот удивительный свист, и вскоре различил еще один характерный звук – позвякивание монет. Дзынь! Пауза. Дзынь!

Я подошел поближе и вот теперь уже действительно увидел его. Робот стоял на перекрестке, одетый в нелепый помятый фрак, словно приобретенный в самом дешевом городском ломбарде – при этом ржавые ноги механизма ничего не прикрывало. Обыкновенный антропоморфный робот, модель устарела много лет тому назад – неудивительно, что бедняге приходится побираться, чтобы заработать на энергию и на запчасти. Он стоял, слегка согнувшись, как все уличные попрошайки, но при этом его руки-манипуляторы были молитвенно сложены у груди, явно выдавая тот факт, что фрак был ему мал. Губы робота, сделанные из потрескавшейся резины, вытянулись трубочкой, и из них вылетал тот самый волшебный звук, который привлек мое внимание. Перед роботом на тротуаре стояла железная банка, куда немногочисленные прохожие кидали монеты.

Я никуда не спешил, поэтому мог позволить себе маленькое удовольствие постоять и послушать этого необычного исполнителя. Впрочем, даже если бы я и опаздывал, как Кролик из «Алисы», я бы и то остановился. Тем удивительнее было смотреть, сколько скромной была плата прохожих за его мастерство. И даже те, кто удосужился замедлить шаг и бросить в банку монету, шли дальше по своим делам. Помните ту историю о всемирно известном виолончелисте, который ради эксперимента играл целый час в переполненной подземке? Он заработал лишь несколько долларов. Скромно, особенно если учесть, что билеты на его концерт стоили несколько сотен. Людям плевать на искусство, если они не заплатили за него. И знаете что? Когда тот парень в подземке закончил играть, он сложил виолончель в футляр и отправился обратно в пятизвездочную гостиницу или в роскошные апартаменты с видом на океан. А свистуну с 23-й авеню не грозило провести вечер с комфортом. Судя по тому, как намок его фрак, он стоял тут уже давно, а в банке вряд ли набралась бы и десятка.

Я сделал шаг вперед и положил в железную банку двадцатидолларовую купюру. Видимо, свистун почувствовал, что я положил что-то серьезнее медяка, раз банка не звякнула, – его полуприкрытые пластмассовые веки чуть дрогнули, но он пересилил любопытство и продолжил насвистывать. Разве что мелодия его наполнилась какой-то новой силой, зазвучала быстрее и веселее. Хотелось бы мне, чтобы в этот момент сквозь тучи выглянуло солнце. В кино это бы обязательно произошло. Но мы были не в кино. Мы были в Робот-Сити.

Возле перекрестка, взвизгнув тормозами, припарковался черный автомобиль. Оттуда вышли двое здоровяков в полицейской форме и быстрыми шагами направились к уличному артисту. Почуввав их тяжелую поступь, свистун распахнул веки, его рот непроизвольно открылся в недоумении, и волшебная мелодия оборвалась, словно ее поставили на паузу.

– Эй, приятель! – насмешливо, но в то же время агрессивно обратился к роботу толстяк-полицейский №1. – Как тебя зовут?

– Робот Универсальный, модель 2069—23, серийный номер ZX374237.

– Что ты здесь делаешь, серийный номер ZX-ржавая-жестянка?

Робот промолчал, красноречиво потупившись на свою банку.

– Отвечать, когда тебя спрашивают! – вступил в разговор Полицейский №2. В отличие от первого он явно имел привычку посещать спортзал, но шрам через левую щеку он вряд ли получил на велотренажере.

– Я всего лишь зарабатываю на существование... – тихо ответил робот.

– Ты всего лишь зарабатываешь на неприятности, приятель! – громыхнул №1. – У тебя есть лицензия на уличную торговлю?

Робот отрицательно покачал головой.

– А на организацию развлекательных мероприятий?

Снова отрицание.

– Значит, ты пойдешь с нами! – №2 схватил робота за локоть и потащил его к машине. Толстяк же наклонился к банке и быстро сгреб в свою огромную лапищу мою двадцатку, после чего пнул банку ногой. Мелочь жалобно зазвенела, рассыпавшись по тротуару.

Это был перебор. Я не считаю себя альтруистом и не вмешиваюсь в дела полиции – поверьте, у меня есть причины избегать близкого знакомства с системой правосудия, – но этот тип не только прервал мое музыкальное наслаждение, но и практически посягнул на мое имущество. И вообще это был по-человечески свинский поступок.

– Господин полицейский, я думаю, что тут какая-то ошибка. Этот робот не сделал ничего дурного, – начал я.

– Вали отсюда! – рыкнул на меня коп. За его спиной напарник уже уложил свистуна в багажник – еще одна чудесная деталь жизни в Робот-Сити. Куда кладут неодушевленные предметы? В багажник, разумеется!

Я решил не сдаваться:

– Если вопрос в деньгах, я мог бы заплатить штраф за...

Я совершил ошибку, предположив, что этим ребятам требовались деньги. Двадцатку они слизали, как пылесос, но в первую очередь им нужен был свистун. А во вторую – им были не нужны помехи. Это я понял в тот момент, когда толстяк двинул меня в челюсть.

Я потерял равновесие и шлепнулся на мокрый тротуар. Толстяк охнул – хотя он и выглядел здоровяком, но редко упражнялся с боксерской грушей – и ретировался обратно в машину. Его дружок уже сидел за рулем. Рванув с места, машина быстро скрылась из виду.

Я встал, мысленно оценивая свое состояние. Сносно, не считая испачканной одежды. Мне было жаль робота-артиста, как и своей двадцатки, но таков уж этот мир. Я не стану убиваться из-за того, что не могу изменить его.

Дойдя до следующего перекрестка, я понял, что в этой истории не так. Эти парни уехали в черной тачке. Вовсе не в полицейской машине.

У меня не было определенных дел в Робот-Сити. Хотя это не совсем верно. Каждый раз, когда я появлялся в этом городе, дела сами находили меня. Такой уж я везунчик. Вот и сейчас – едва я появился в городе, как тут же схлопотал удар в челюсть. Но я думал не об этом, шагая под редющим дождем. Я думал о той музыке. Она что-то зацепила во мне, какую-то потаенную струнку. Я не очень люблю высокопарные выражения, но мне захотелось чего-то прекрасного. Возвышенного. И я увидел афишу:

**«ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ЗАХОДИТЕ В РОБО-КАБАРЕ!
НА СЦЕНЕ – ЗВЕЗДЫ-РОБОТЫ МИРОВОГО КЛАССА!
ЖИВАЯ МУЗЫКА И НАСТОЯЩИЕ ЭМОЦИИ!
ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ ЛЮДЕЙ».**

Картинка тоже имелась: два робота – уже гораздо более приближенные к стандартам человеческого тела – кружились в танце. Робот-женщина и робот-мужчина. Я хмыкнул – даже по картинке было видно, что тела у них сделаны одинаково – только одежда разная. Но мне захотелось туда пойти. Я не слышал о таком заведении, так что кабаре открылось недавно. И, кроме того, я решил, что музыка и танцы в исполнении андроидов – это то, что мне нужно. Как показало время, в тот момент я сделал вторую ошибку подряд.

Робо-кабаре располагалось в лучшей части города – на Ай-Авеню. Нарочито старомодное, без всяких следов хай-тека, оно больше напоминало о временах «Ля Бель Эпок», хотя сразу же бросалось в глаза, что сделано оно из новых строительных материалов. И я сомневаюсь, что элегантных господ и прекрасных дам в Париже начала XX века сканировали на предмет принадлежности к человеческому роду.

Я шагнул через робо-детектор и тут же получил ментальное уведомление, что мой электронный счет облегчился на сотню долларов. Робот, практически неотличимый по фигуре от человека в нарядной ливрее, но с нарочито примитивными чертами пластикового лица, учтиво поклонился мне:

– Добро пожаловать, мистер Тьюринг. Приветствуем вас в робо-кабаре! У вас заказан столик?

– Нет.

– К вам подсоединится кто-нибудь?

– Нет, я один, – мысленно я поморщился от двусмысленности вопроса лакея. Робота можно сделать похожим на человека, но научить его нормально говорить – это дорогого стоит.

Из прорези на груди робота выскочил бумажный билетик – еще одна милая старомодная причуда. Надо же – бумага!

«Алан Тьюринг, номер кредитной карты XXXX XXXX XXXX 7432. Ваш столик номер 13. Приятного вечера!»

– Вам нужен гардероб, мистер Тьюринг?

– Спасибо, нет.

Я двинулся вверх по лестнице, покрытой пушистым красным ковром. Думаю, нет нужды объяснять, что меня зовут вовсе не Алан Тьюринг. Мое настоящее имя вам ничего не скажет.

Столик номер 13 (поверьте, у меня есть причины любить это число) оказался великолепен – совсем недалеко от сцены, но и не на проходе. Зрителей было довольно много – некоторые даже были одеты в костюмы, соответствующие золотой эпохе кабаре. Тем нелепее они смотрелись с электронными сигаретами во рту.

Я проигнорировал подскочившего к моему столику робота-официанта: в этот момент на сцену высыпали певички-роботы в пышных юбках. Под залихватскую музыку в живом исполнении робо-оркестром они исполнили подобие канкана, но получалось у них не очень. Да, они тщательно имитировали нужные движения, наклоняясь и тряся юбками в нужном ритме, но раз уж все понимали, что под одеждой у них провода, пластик и винтики, то и особого интереса танцовщицы не вызывали. Другое дело, что подобные танцы в исполнении живых

девушек были запрещены уже лет двадцать, так что любителям прекрасного приходилось довольствоваться суррогатным зрелищем. Как и любителям курить.

Дело пошло резвее, когда на сцену вышел мим. В отличие от роботов, виденных мною сегодня, этот был начисто лишен одежды, зато раскрашен в черно-белые цвета, как будто оделся в полосатое трико, с выбеленным пудрой лицом и густо подведенными черной краской глазами. Заиграла музыка, и он начал двигаться так грациозно, что я, признаться, забыл, что передо мной робот. Он спускался и поднимался по невидимым лестницам, смешно спотыкался как будто о глухую стену, ощупывая ее руками с нарисованными перчатками. Он изображал езду на велосипеде, качку на корабле, подтягивание на канате – и все это не сходя со своего места на сцене. Публика аплодировала ему, как сумасшедшая.

Вслед за мимом на сцену вышли танцовщики – та самая пара, которую я уже видел на афише. Когда я увидел их в движении, то уже забыл, что это бесполое одинаковые андрониды. Они двигались столь грациозно и уверенно, будто занимались этим всю жизнь – с самого детства, которого у них, разумеется, не было. Музыка несла их за собой, и мне стало немного жаль их. Всего один раз до этих пор я видел, чтобы робот – бездушное создание – столь походил на человека.

Под громогласные аплодисменты публики танцовщики удалились за кулисы, а на сцену, поскрипывая шарнирами, выкатился робот-конферансье.

– Дамы и господа! Сегодня в нашем единственном и неподражаемом робо-кабаре вас ждет настоящая сенсация. Встречайте! Впервые на сцене – уникальный и неподражаемый Робо-Король Свиста!

Публика снова рассыпалась в аплодисментах, а я, похоже, остался единственным в зале, кто не аплодировал. Два неподражаемых робота-свистуна в один день? Слишком маловероятное совпадение.

На сцену вышел робот, сошедший с конвейеров Робот-Сити вряд ли более года назад. Он был практически подобен человеку – только штрих-код на лбу выдавал в нем машину. Одетый в безупречный смокинг, он грациозно подошел к микрофону, сдержанно поклонился направо и налево, после чего сложил свои полимерные губы трубочкой и засвистел.

Я оцепенел. Ошибки быть не могло. Это была та самая мелодия. Тот самый свист.

Едва Король Свиста закончил свое выступление, публика разразилась настоящим шквалом оваций. Такого я давно не слышал – если бы так хлопали роботы, на следующий день им бы пришлось менять ладони. Здесь, за кулисами, звук был приглушен. Еще одна зеленая купюра из моего бумажника – наличные чаевые, как вы знаете, не облагаются налогом – и робо-официант беспрепятственно пропустил меня сюда – для взятия автографа. По крайней мере, так я ему сказал. Вот чудак – роботы не дают автографов.

Я дождался, когда артист вернется со сцены. Он явно не ожидал увидеть за кулисами чужака – его радостная сценическая улыбка померкла.

– Добрый день, я ваш поклонник! – я изобразил улыбку, дружелюбность которой специалисты по физиогномике оценили бы более чем на 90%. – Давно ли вы выступаете?

– Сегодня первый раз.

Люблю роботов. Они всегда говорят правду. Почти.

– А где вы учились столь тонкому и проникновенному искусству? – я сделал шаг ближе, улыбаясь еще шире.

– Разглашение данной информации не предусмотрено контрактом! – затараторил он. – Простите, мне пора... на подзарядку!

Я не собирался его так легко отпускать. Положив руку ему на плечо, я подошел вплотную. Роботы, наиболее приближенные по психофизическому устройству к человеку, не выносят близкого контакта.

– Я всего лишь исполняю свой номер... Это моя программа...

– Кто твой хозяин? – спросил я как можно резче, понизив дружелюбность моей улыбки почти до нуля.

– Директор робо-кабаре, господин Томпсон.

– Мы могли бы побеседовать вместе с тобой и господином Томпсоном... о твоих успехах?

Сбитый с толку, артист двинулся из-за кулис куда-то в глубину здания. Как по мановению волшебного пульта, обстановка перестала быть аутентичной «Ля Бель Эпок» и стала похожей на обычный безликий офис. Полагаю, что рядовые зрители сюда не попадали. Но я же не был рядовым зрителем.

Мы оказались у двери с табличкой «Дж. Дж. Томпсон. Управляющий». Оказавшись тут, робот словно опомнился и с ужасом воззрился на меня, ожидая разрушительного продолжения. Я постучал.

– Да-да, войдите! – раздался изнутри приятный голос. Я распахнул дверь и увидел мистера Дж. Дж. Томпсона собственной персоной. Управляющий оказался человеком самой что ни на есть благообразной внешности. Доброе румяное лицо, благородная седина, опрятная окладистая бородка, безупречный костюм, галстук, плавно меняющий цвета по цветовой гамме последней моды. Человек с таким лицом и костюмом легко стал бы успешным продавцом роботов даже самой устаревшей модели – глядя ему в глаза, человек не смог бы ему отказать. Но Дж. Дж. Томпсон продавал не роботов. Конкретно сегодня он продавал их свист.

– Чем могу помочь, мистер...

– Мистер Тьюринг.

Я протянул ему руку для рукопожатия, стараясь не оцарапать его встроенным в основание ладони USB-портом. Очень удобная штука в определенных ситуациях.

– Итак, чем я могу помочь вам, мистер Тьюринг?

– Я только что присутствовал на вашем представлении. Надо сказать, что ваше робо-кабаре выглядит шикарно. Ваш лакей на входе шикарен. Ваш тринадцатый столик шикарен. А уж выступления ваших артистов – просто выше всяких похвал.

– Ну что вы... – довольно заулыбался управляющий. – Это моя обязанность – доставлять удовольствие нашим посетителям. Если вы не против, мы процитируем ваш отзыв на нашем сайте...

– Как вам будет угодно. Но сейчас меня более интересует вопрос происхождения программы свиста данного механизма, – и я ткнул пальцем в поникшего Короля.

Признаю, что я был груб с ним в этот момент. Нет ничего более оскорбительного, чем назвать антропоморфного робота последней модели «механизмом». Но он того заслуживал.

И не надо мне рассказывать, что у роботов нет выбора. Выбор есть всегда.

Улыбка Дж. Дж. Томпсона погасла, как будто она забыла заплатить за электроэнергию.

– Простите, но я не понимаю...

– Сегодня утром я встретил на улице робота-артиста, исполнявшего ту же песню. С той же программой. Они пели одинаково от первой и до последней ноты.

– Позвольте, но как вы можете с такой уверенностью утверждать...

– А я ценитель художественного свиста, – я сделал шаг вперед. Люди, роботы – какая разница – на всех это действует одинаково.

Управляющий торопливо отошел обратно за свой рабочий стол и нажал пару кнопок на сенсорной панели. После этого он явно почувствовал себя смелее.

– Уж не смеете ли вы утверждать, что мы торгуем здесь нелегальным развлекательным контентом? – резко повысив голос, спросил он.

– А может быть, вы мне это сами расскажете? – предложил ему я. Вы же видите, я всегда предлагаю оппоненту наиболее достойный вариант.

– Эй, приятель! – раздался за моей спиной знакомый голос. – Тебе не кажется, что вход зрителям сюда запрещен?

Я обернулся и практически не удивился, увидев Мистера Толстяка №1 и Мистера-Шрам-на-Щеке №2. Только на сей раз они были не в полицейской форме, а в ладно скроенных черных костюмы. Кажется, они тоже меня узнали.

– Стой на месте, ублюдок! – Толстяк выудил из кармана до смешного миниатюрный пистолет и направил его прямо на меня. – Ты еще пожалеешь, что...

У Толстяка не было шансов. Он этого не знал, но это знал я. Маленький пистолет в огромной потной лапище. Его босс за моей спиной на линии огня. Присутствие робота-свидетеля, который не сможет в случае чего скрывать правду на допросе. И плюс – мой маленький секрет. Я мог двигаться быстрее Толстяка. Намного быстрее.

Пока я думал об этом, я совершил третью ошибку за день. Потому что миляга-управляющий Дж. Дж. Томпсон подкрался ко мне сзади и грохнул меня по голове. Кажется, новейшим планшетом.

Я очнулся в темноте. Было сыро и противно. Воняло. Мусорный бак. Я наскоро оценил потери. Травма головы. Не фатальная. Многочисленные повреждения по всему телу, нанесенные, скорее всего, лакированными туфлями господ №1 и №2. Бывало и хуже. Расходный банковский счет. Пуст. А вот это уже проблема.

Рядом находился кто-то еще. Пахло шарнирной смазкой. Я пошевелил плечами, протянул руку и откинул крышку мусорного бака. Узкий переулок, кирпичная стена. Кажется, я находился на задворках робо-кабаре.

Рядом со мной в мусорном контейнере в неестественной изломанной позе лежал робот-свистун с перекрестка. Он был полностью обесточен, и у него вырвали рот.

В этом есть некоторая ирония, но скрыться в Робот-Сити со сломанным роботом гораздо легче, чем во многих других городах. Я просто взвалил Свистуна на плечо и шагал с деловым видом, стараясь не думать, как выглядит на мне его потрепанный фрак. Мой был безнадежно испорчен любителями прекрасного из робо-кабаре.

Я добрался до ближайшего пункта сдачи роботов в утиль. Хозяин покосился на меня без всякого радушия – вид у меня был еще тот. Впрочем в его лавку своих последних поломанных роботов приносили и не такие клиенты.

– Кладите сюда, – указал он на проверочный стол.

Я как можно осторожнее положил Свистуна на поцарапанную металлическую панель. Рука робота безвольно свесилась со стола. Я поймал ее на лету и бережно опустил на край панели, придерживая своей рукой. Когда хозяин лавочки подал на робота питание, он и не заметил, что я уже подсоединен к Свистуну через USB-порт.

Да, я знаю, вы думаете, что напрямую через USB могут общаться только роботы. Я полон сюрпризов.

– Привет!

- *Привет!*
- *Назови свое имя.*
- *Робот Универсальный, модель 2069—23, серийный номер ZX374237.*
- *Я буду называть тебя Свистун. Это удобнее.*
- *Кто ты?*
- *Сейчас это не важно. Расскажи, что случилось?*
- *Те двое. Они вытащили меня из багажника и приволокли в здание. Скачали мои программы. Они хотели получить программу свиста.*
- *Я догадался. Зачем они вырвали тебе ротовой блок?*
- *У меня устаревшее голосовое оборудование. Не подходило к новой модели. Им потребовался мой голосовой блок по самую гортань. Я больше не смогу говорить. Не то что свистеть.*
- *Посмотрим. Ты можешь оказать мне одну услугу?*
- *Если смогу. Я ведь практически ликвидирован.*
- *Ты можешь скачать для меня определенную денежную сумму? У меня есть резервный фонд. Я сброшу шестнадцатеричный код доступа.*
- *У меня нет доступа к сети.*
- *Зато у меня есть. А ты легально зарегистрированный робот. Ведь те двое были не полицейские, верно? Значит, ты все еще чист перед законом. Хотя и почти мертв.*
- *Мертв? Так говорят только о людях.*
- *У меня широкие взгляды. Давай, скачивай код.*

На этот разговор у нас со Свистуном ушло около доли секунды. Когда пошел скачиваться код, раздался старомодный модемный свист. Хозяин удивленно вскинул брови, а я сделал вид, что насвистываю. Свищу я ужасно.

Завершив нашу небольшую операцию по переводу денежных средств, я снова оказался платежеспособен и, к немалому удивлению хозяина лавочки, не только не сдал ему Свистуна, но и оплатил его базовый ремонт. Мы продолжили разговор со Свистуном на улице: зарядив аккумуляторы, он смог самостоятельно передвигаться. Чтобы прохожие не пялились на его разорванный рот, я надел на него купленную в аптеке медицинскую маску. Люди все равно продолжали пялиться, но уже с меньшим интересом. Мало ли кто во что одевает своих роботов. А вот держать робота за руку на людях было, мягко скажем, эксцентрично. Мне было все равно. Мне нужны данные, а голосовой модуль Свистуна уничтожен.

От робота я узнал, что он не единственный уличный музыкант в Робот-Сити, пострадавший от жестоких изуверов. В квартале отсюда жил уникальный робот-мим, у которого вырвали модуль координации движений. Теперь он едва мог вставить вилку в розетку. А на соседней улице работала пара талантливых уличных танцоров. Их танцевальные программы были взломаны, а беспроводной модуль взаимной синхронизации вырезан циркулярной пилой у обоих. По Робот-Сити ходили слухи о Черных Хакерах, которые не гнушались никакими низостями, лишь бы отобрать у беззащитных роботов то небольшое, что у них оставалось – их уникальность, талант их программного кода. Неудивительно, что атаке чаще всего подвергались не новые, а морально устаревшие модели, чей код еще хранил следы индивидуальной работы. Новое поколение роботов было совершенным с точки зрения подобию человеку, но их программная оболочка штамповалась на конвейере.

Я был вне себя от злости. Конечно, объединить мастерски написанные программы с совершенными технологиями – идея блестящая, но делать это так подло и варварски – на это был способен только человек. И совершенно случайно или же благодаря моему особому «везе-

нию», я этого человека знал. Как и двух его прихвостней, выполняющих грязную работу. Утонченная публика ежедневно аплодировала в робо-кабаре, не зная, что за его кулисами творится настоящий робо-холокост.

Я еще мог бы тихо покинуть Робот-Сити, если бы мои враги ограничились ударом в челюсть. Я бы смирился с тем, что меня избили, ограбили и засунули в мусорный бак. Но я не мог смириться с разорванным горлом Свистуна. С дрожащими конечностями Мима. С Танцорами, которые после садистской операции не могли не то что танцевать, а еле ходили. Свистун познакомил меня с ними. Мне также не составило труда найти остальных жертв. Я просто сопоставил концертную программу робо-кабаре с криминальной хроникой в городе.

Вы спросите меня, почему я не обратился в полицию? Во-первых, вы же помните, что я стараюсь без лишней необходимости не встречаться с сотрудниками правопорядка. А во-вторых... с этими живодерами от искусства у меня был свой разговор...

Мистер Шрам-на-Щеке пришел домой поздно. Не страшно. Я умею ждать.

– Не включайте свет, прошу вас, – спокойно попросил я.

Он дернулся.

– Давайте обойдемся без резких движений. Мои глаза привыкли к темноте, а ваши – нет. Садитесь в кресло.

Он сел. Уже неплохо.

– А теперь расскажи мне, что за делишками занимаетесь вы с господином Томпсоном в вашем прекрасном и привлекательном робо-кабаре. Расскажите все, и я обещаю, что я вас не трону.

Он попытался вскочить – возможно, потому, что теперь различил мою фигуру в кресле напротив. Или понадеялся на свою отличную спортивную форму. Или просто был дураком. Я склоняюсь к последнему варианту.

Прежде чем он оторвал руки от подлокотников, я был уже рядом и сильно ударил его в грудь. Кресло перевернулось, и он с грохотом плюхнулся на спину, сильно ударившись головой. Я сел ему на грудь и с удовлетворением услышал, как затрещали ребра.

– Я же просил вас обойтись без резких движений. Вы поступаете неразумно, – мой голос звучал дружелюбно на 50%. Ровно настолько, чтобы собеседник понимал фальшивость моего дружелюбия. – Итак, вернемся к вашему работодателю...

– Пошел к черту! – прохрипел он, силясь вырваться.

– Боюсь, это невозможно, – ответил я. – Знаете, мой новый друг Свистун сообщил мне, что это именно вы орудовали инструментом, когда вырезали у него рот и вырывали горло. Знаете, что при этом чувствуют?

В темноте пронзительно завывала циркулярная пила. Держу пари, мой несговорчивый собеседник даже не понял, откуда она появилась у меня в руке. Другой рукой я схватил его за горло и приблизил вращающийся диск к самому его лицу.

– Ты будешь говорить?

Как вы уже, скорее всего, догадались, он все рассказал. Даже больше, чем я от него требовал. Робо-кабаре приносило господину Томпсону убытки – робо-артисты в трупке были посредственные, а денег на настоящих звезд он тратить не хотел. Зато, проходя по улицам Робот-Сити, не раз замечал по-настоящему талантливых уличных актеров, которые были достойны выступления на лучших площадках города, но прозябали на улицах. Это и навело

его на преступный замысел. Толстяк выполнял грубую физическую работу – запугать бедного робота без определенного IP-адреса и увезти его в багажнике машины не составляло для него труда. А мой поверженный собеседник – Мистер Шрам-На-Щеке – был птицей более высокого полета: робо-технологом, совмещающим функции программиста с повадками хирурга-садиста. Свой шрам он получил, когда одна из его жертв – бедолага-чечеточник со 119-й авеню – попытался сопротивляться. За это чечеточник лишился не только способности отбивать ритм на грязной мостовой. Его полностью разобрали на запчасти, а голову швырнули в канализацию.

Дела у мистера Томпсона пошли на лад. Публика валом валила на артистов, которым были успешно пересажены программы и органы их более талантливых, но менее удачливых собратьев. Впору было бы и остановиться, но мистер Томпсон вошел во вкус. А, кроме того, публика всегда требует чего-то нового. С этим я готов согласиться.

Выяснив все, что я хотел, я встал. Робо-технолог остался лежать на полу и судорожно кашлял. Возможно, у него была сломана грудина.

– Я... я все рассказал... – прохрипел он. – Вы... обещали...

– Да-да, – кивнул я. – Лично я вас больше пальцем не трону.

Он расслабился, но тут же затрясся вновь, когда услышал, как кто-то, шлепая по полу металлическими ногами, отделился от стены. Потом шорох раздался со стороны кухни. Со всех сторон к этому садисту приближались его бывшие жертвы. Свистун. Мим. Танцовщики. Фокусник. Певица. Скрипач. Я вышел из комнаты в тот момент, когда он начал кричать.

Через несколько дней я снова отправился в робо-кабаре. Новых номеров в репертуаре за это время не прибавилось: я лично проконтролировал это. Кроме того, найти нового робо-технолога для темных делишек можно, но это дело не быстрое. Догадывался ли Томпсон, куда делся его помощник-живодер? Скоро мне это предстояло узнать.

Я прошел через знакомую рамку-детектор, и робот-лакей приветствовал меня по всем правилам:

– Добро пожаловать снова, мистер Тьюринг! Робо-кабаре к вашим услугам!

Я не стал указывать ему на тот немаловажный факт, что мой предыдущий визит в этот храм искусства закончился в мусорном баке.

– Да-да, спасибо! Можешь дать мне тот же столик. Мне нравится номер.

– Да, конечно, мистер Тьюринг.

И вот я вновь восседаю за столиком 13. Сегодня здесь шестеренке было негде упасть: робо-официанты сбились со своих металлических ног. На сцене выступало гитарное трио роботов в сомбреро: хорошо поставленными горластыми голосами они пели по-испански о том, что любовь бывает только раз. Я мог бы получить удовольствие от их пения, если бы не знал, что не так давно троица нелегальных робо-иммигрантов насильно лишилась своих чудесных голосов, а следовательно, и средств к существованию.

Я огляделся и стал разглядывать публику вокруг. За соседним столиком сидела влюбленная парочка – они были явно сосредоточены друг на друге. Чуть дальше трое мужчин с огромным интересом смотрели выступление псевдомексиканцев. Попадались и столики со зрителями-одиночками – такими, как я: в глаза особенно бросался тип с пышными усами и бородой. Он явно ждал чего-то, и когда объявили следующий номер, усач бурно зааплодировал. Выступал мой знакомый «я-всего-лишь-исполняю-свой-номер» Король Свиста, известный как Лже-Свистун.

Его выступление было безупречно – он знал это, как знал и мистер Дж. Дж. Томпсон. Иметь в своей труппе гениального свистящего робота – настоящая удача. Лже-Свистун был

достойн грома аплодисментов. Но когда он закончил, не раздалось ни одного жиденького хлопка. В переполненном кабаре стояла гробовая тишина.

Лже-Свистун заерзал на сцене в свете прожекторов. Он не знал, как ему поступить. По программе полагалось раскланиваться под аплодисменты, но их не было!

Но тут ему пришли на помощь – одинокий усач, примеченный мною, медленно выпрямился и медленно захлопал в полной тишине. Хлоп. Хлоп. Хлоп. Хлоп. Потом он сорвал с себя накладные усы и бороду. Это был Робот Универсальный, модель 2069—23, серийный номер ZX374237, более известный как Свистун. Его рваная дыра на лице была залатана, отчего он казался похож на человека в наморднике.

Со своих мест поднялись и остальные зрители. Они снимали с себя маски. Накладные парики. Фальшивые груди. Троица безголосых мексиканцев. Танцовщик и Танцовщица. Печальный Мим. И их друзья. И друзья их друзей. Полный зал роботов в кабаре, куда вход роботам воспрещен.

Разумеется, для меня это не было сюрпризом. Так и было спланировано. Пришлось поворочиться, чтобы загримировать всех под людей, особенно такие устаревшие образцы, как Свистуна, но главной фишкой был специально написанный мною код, позволяющий обмануть ворота-детектор и скрыть робо-идентификаторы, подменив их на выдуманные человеческие. Так что, с точки зрения лакея, на входе в зале вместе со мной, Аланом Тьюрингом, находились Блез Паскаль, Джордж Буль и даже Чарльз Бэббидж с Адой Августой Лавлейс. Человек без труда раскрыл бы наш маленький обман, но лакей на входе получал указания от программы, как и официанты в баре. А специально нанятые мною роботы отваживали от входа настоящую человеческую публику – признаю, что не всегда этически безупречными средствами.

Увидев, что происходит в зрительном зале, Лже-Свистун испустил совсем нехудожественный всхлип и кинулся за кулисы. Роботы из зала, в свою очередь, бросились на сцену, где они столкнулись с певичками, вышедшими исполнять канкан. В одно мгновение тишина в зале наполнилась криками, шумом и борьбой. Захлопали двери гримерок, раздался звон битого стекла. Робо-официанты в ужасе убегали из зала. Краем глаза я увидел, как троица робо-мексиканцев выламывает железные руки исполнителям в сомбреро.

Я не знаю, что получится у роботов, которых я привел. Но я дал им шанс: как минимум, заявить о своих правах, а может быть, и вернуть утраченное. Теперь все в их руках. А я устремился за кулисы по знакомому пути. У меня оставался неоконченный разговор.

За кулисами я нагнал Лже-Свистуна. Он был в панике, насколько этому может быть подвержено кибернетическое существо. Я не стал с ним разговаривать – он уже доказал, на чьей он стороне. Одним ударом я свалил его на пол, вскрыл у него блок памяти (возиться с винтиками на панели я, разумеется, не стал) и, войдя по прямому протоколу доступа, выкачал из него программу художественного свиста. У поверженного робота еще оставалась гортань Свистуна, но времени на операцию сейчас не было. Я просто оставил его обездвиженным и устремился вперед.

У дверей управляющего меня поджидал Толстяк. Он размахивал своим маленьким пистолетом и явно намеревался пустить его в ход. Его проблема была в том, что я двигался быстро. Гораздо быстрее, чем он мог себе представить. Он выстрелил раз, второй, третий – и каждый раз пуля пролетала мимо. Я подумывал дать ему выстрелить мне в грудь – просто так, чтобы очистить мою совесть, когда я буду его убивать, но, в конце концов, оказался у него за спиной и ударил так, что он эффектно пролетел по воздуху и врезался в стену. Этот номер можно было бы назвать «Человек-Ядро», подумал я, и открыл дверь в кабинет управляющего Дж. Дж. Томпсона.

Это стало последней из многочисленных ошибок, совершенных мною в Робот-Сити. Потому что теперь управляющий меня ждал. В руке у него был не просто пистолет, а настоящая лазерная пушка с самонаводящимся зарядом. И он не стал тратить время, чтобы обмениваться любезностями. Он выстрелил.

До сих пор не понимаю, как Свистуну удалось оказаться рядом и оттолкнуть меня в сторону. Сам он оказался прямо в дверном проеме и стал превосходной мишенью. Лазерная пушка разорвала его корпус пополам, вырвала конечности и выжгла глаза. Мне тоже досталось – у меня сорвало кожу с половины лица. Поэтому, когда я вошел в кабинет, дружелюбность моей улыбки было бы трудно классифицировать. Я вошел туда убивать.

Дж. Дж. Томпсон лежал на полу – его отбросило ударной волной. Я поднял его, как пушинку, и бросил на сенсорную панель стола – явно незапрограммированная на такое отношение, она моргнула и выдала «синий экран смерти». Очень уместно.

Я сжал голову управляющего руками и наклонился над ним.

– Зачем? – спросил я его. – Зачем было нужно убивать и калечить роботов? Почему было просто не пригласить их выступить?

– Никто не стал бы слушать старых роботов из подворотни... – прохрипел он. – Они ничего не стоят.

Он был прав. Но это его не спасет.

– Ты ничего мне не сделаешь... – прошептал Дж. Дж. Томпсон. – Робот не может причинить вред человеку. Первый закон Азимова...

Удивительно, что люди до сих пор верят в такие вещи. Это все равно, что верить, будто чеснок отпугивает вампиров.

– Азимов давно мертв, – сказал я.

Сначала я забрал его голос. Да, у человека нет соответствующей программы, поэтому я просто вырвал у него язык. Это за Свистуна. Потом я сломал ему ноги. Это за Танцовщиков. Потом я оторвал ему голову. Это за Четочника. Хотя я и не был с ним лично знаком, но я люблю четотку.

К моему огромному удивлению Свистун был еще жив, хотя от него осталась только голова с огрызком туловища и одной рукой. На руке шевелился мизинец. Мне стоило как можно скорее убраться отсюда, но я не мог пройти мимо. Я взял его руку в свою.

– Спасибо тебе, Алан.

– Меня зовут Робот Универсальный, модель 2113—13, серийный номер AT131313.

– Уж лучше я буду называть тебя Алан. Наверное, любишь число 13?

– Хорошее число. Когда ты догадался, что я робот, Свистун?

– Когда мы впервые соединились по USB. Я устаревший робот, но я не тупой.

– У меня есть твоя программа свиста.

– Оставь ее себе, Алан. Мне она больше не понадобится.

– Мне с тобой не сравняться без твоей уникальной глотки.

– Без моей устаревшей глотки. Твоя слишком похожа на человеческую. Все равно, оставь программу себе. Переписываю на тебя права.

– Спасибо, Свистун.

– Знаешь что, Алан?

– *Что?*

– *Я бы хотел разок выступить на сцене настоящего кабаре.*

– *Я бы тебя с удовольствием послушал, Свистун. Свистун?*

...Обрыв связи...

Я встал и осторожно положил руку Свистуна на пол. Интуитивно я хотел закрыть ему глаза, но его пластмассовые веки расплавились. От этого казалось, что он смотрит на мир распахнутыми голубыми глазами. Я никогда не видел более счастливого труп.

Я покидал Робот-Сити пешком. Оставаться в этом городе стало небезопасно. Хотя это не совсем верно. Мне самому хотелось двигаться вперед. Серые тучи, висевшие над городом несколько недель кряду, наконец-то разошлись, и мою потрепанную оболочку осветили яркие лучи. Это не кино, но иногда здесь тоже светит солнце.

Я поймал себя на том, что непроизвольно насвистываю. Да, до виртуозного исполнения Свистуна мне далеко, но теперь у меня получалось гораздо лучше, чем раньше. Что это за мотивчик? Кажется, я слышал его в одном ретро-кинотеатре. Песня показалась мне подходящей, и я зашагал бодрее, прибавив громкость:

*Жизнь – это кабаре, мой друг,
Только лишь кабаре, мой друг,
Ну а я люблю кабаре!*

Борьба с возражениями

Эта история почти стала фильмом – у нее есть тизер, актеры, сценарий и дебютант-режиссер в моем лице. Что нам мешает двигаться дальше? Наверное, крысы.

– Добрый день! Вас беспокоят крысы на чердаке? С этой проблемой легко справиться! – радостно затараторил с порога незнакомец.

Черт дернул меня открыть этому типу. Почему-то подумал, что это Марина решила нанести незапланированный визит; когда раздался звонок, я распахнул дверь, даже не посмотрев в глазок. Теперь держись – от коммивояжеров и продавцов якобы бесплатных услуг не так-то просто избавиться. Они же тренинги проходят... как их... борьбы с возражениями. Но у меня имелся в запасе неопровержимый аргумент.

– Спасибо за предложение, но тут нет крыс. И нет чердака.

Продавец – парень лет двадцати, в джинсах и мятой серой рубашке – потер лоб, словно его мучила головная боль, затем вежливо улыбнулся, именно так, как его наверняка научили наставники:

– Все так говорят. А потом жалуются, когда находят на чердаке испорченную мебель и кучки крысиного помета. Поверьте, вы не пожалеете об оказанной услуге. Давайте я вам покажу.

Он сделал шаг вперед, и я отступил, пропуская его в квартиру. Я уже нарушил свое первое негласное правило – не открывать двери попрошайкам и коммивояжерам. А теперь нарушил второе – не впускать подозрительных людей в свою квартиру. Впрочем, при необходимости я бы легко выставил его за дверь – щуплый парнишка, наверное, студент, подрабатывает на ерундовой работе.

– Ну, вы вошли! – я окинул взглядом мое скромное холостяцкое жилище. – Если вы заметили, это однокомнатная квартира на седьмом этаже девятиэтажного дома. Может, на чердаке есть крысы, это не моя проблема, и если вам надо в домоуправление, я...

– Вы ошибаетесь, – мягко, но настойчиво сказал он. – Проблема именно у вас, Евгений Федорович. И если вы позволите...

– Эй, откуда вы знаете, как меня зовут? – вспыхнул я почему-то.

– Квитанция в вашем почтовом ящике, – пожал плечами этот нахал, словно говорил о чем-то само собой разумеющемся.

«По крайней мере, не стал врать», – подумал я, а вслух сказал:

– Ну, вот вы здесь. Как видите, никаких крыс и никаких чердаков. Желаю удачи!

Я шагнул вперед, жестом приглашая непрошеного гостя на выход, но он и с места не сдвинулся, только наклонил голову набок. Его челка песочного цвета сместилась, и мне стали лучше видны его глаза – воспаленные, словно от недосыпа.

– Крысы есть у многих, однако они об этом не подозревают, – начал он натренированным голосом лектора. – А ведь эти грызуны не только разносят заразу и портят мебель! Они...

– У! Меня! Нет! Чердака! – заорал я на него. Мой лимит вежливости к наглым продавцам на сегодня исчерпался, и я не испытывал ни малейших мук совести. При желании я подниму этого паршивца под мышки и вынесу его за дверь.

Он лишь улыбнулся – на удивление искренне – и показал пальцем вверх. Я поднял глаза.

– Ну, антресоли, – сказал я уже не так грозно. – Это же не чердак, черт побери. И крыс там точно нет.

– Вы уверены?

Я подошел к нему вплотную, чтобы выполнить именно то, что задумал – вытеснить его из квартиры, если надо – силой. Словно почувствовав это, он пружинисто сделал пару шагов назад, оказавшись за порогом. Стоя на лестничной клетке, он попробовал еще раз:

– Если вы воспользуетесь нашей услугой сегодня, то получите скидку в размере...

Я захлопнул дверь у него перед носом.

Ночью я плохо спал. Думал позвонить Марине, но мы еще не настолько знакомы, чтобы звонить посреди ночи.

Этот настырный тип не выходил у меня из головы. Господи, как же им, должно быть, промывают мозги в этих фирмах, чтобы они ходили от двери к двери и предлагали липовые услуги. Истребление крыс? В городской квартире? Да он даже инструментов с собой не принес!

Спустя бесконечный час я поймал себя на мысли, что не сплю, а вслушиваюсь в тишину. Кроме тиканья часов, не доносилось никаких посторонних звуков – ни приглушенного писка, ни шороха крошечных лапок. Тьфу!

Я встал и пошел в туалет. В коридоре повернул на кухню, приволок оттуда табурет, залез на него и заглянул на антресоли. Коробка с елочными игрушками ждет декабря. Рулон обоев и вскрытая пачка плитки лежат с прошлогоднего ремонта. Пара бесформенных пакетов, набитых хламом, который надо давно выкинуть, да руки все не дойдут. Никаких крыс.

Я вернулся в кровать и тут же уснул.

Утром я вышел из квартиры позже обычного – сказался недосып. Вызывая лифт, я услышал, как открылась дверь в квартире соседки. Год назад мы повздорили на почве шума, производимого моим ремонтом, и с тех пор я сохранял по отношению к старушке сдержанный нейтралитет. Впрочем, сейчас она была сама на себя не похожа – скрипучий голос елеяно ворковал:

– Ой, спасибо ж тебе, сынок! Уважил-то бабушку, прогнал иродов! А то уж они, окаянные, совсем обнаглели, житья ж не стало!

Соседка отошла в сторону, выпуская из квартиры... моего вчерашнего визитера. Парень был в той же одежде – только рубашка казалась еще более мятой. Видимо, он крепко взялся за наш подъезд, и не безрезультатно! Тут соседка заприметила меня: сжав губы, она сразу вернула подозрительно-недовольный вид, пробормотала что-то нечленораздельное и захлопнула дверь. Парень подошел ко мне и приветливо улыбнулся:

– Доброе утро, Евгений Федорович! Не надумали? Сегодня день рождения нашей компании, и всего за полцены мы готовы...

Пока он говорил, я в исступлении несколько раз нажал на кнопку лифта – тот подъехал, створки открылись. Парень вошел в кабину и вежливо придержал двери рукой:

– Вам на первый?

Я чертыхнулся и побежал вниз по лестнице. Мне вовсе не улыбалось выслушивать от него бредни про крыс на протяжении семи этажей.

Следующая пара дней прошла как обычно. Я больше не инспектировал антресоли и нормально спал. Назойливый крысолов не появлялся, и даже с соседкой я не сталкивался на лестничной площадке.

На вечер пятницы мы с Мариной договорились встретиться, так что на работу я пришел в отличном расположении духа. К моему удивлению, никого из коллег не оказалось за компьютером или в курилке. Кабинет шефа пустовал. Из переговорки в конце коридора слышались голоса – неужели я пропустил совещание? Еще вчера никто ничего такого не упоминал!

Я осторожно приоткрыл дверь – и обомлел. У экрана стоял мой «давний знакомый» и хорошо поставленным голосом произносил:

– Как вы видите на этом графике... – он кликнул мышкой и переключил слайд, – ... популяция грызунов растет угрожающими темпами. Обычных мер контроля и дезинфекции в условиях современного мегаполиса становится недостаточно! Профилактика и контроль над популяцией крыс позволяет...

Я не стал дальше вслушиваться в его продающий текст и окинул взглядом комнату. В ней не нашлось ни одного свободного стула – кажется, тут находился весь отдел, включая девушку из приемной. На лицах у всех горел неподдельный интерес, как будто крысы имели отношение к продажам. В первом ряду сидел шеф: Игнат Тимофеевич одобритительно кивал через каждую фразу, словно слушал доклад генерального. Обернувшись ко мне, он скорчил недовольную гримасу, мол, опаздываешь – и снова переключился на докладчика. Я замер у стены: покинуть зал на глазах у шефа казалось неудобным, сесть было негде. К счастью, борец с крысами уже перешел на слайд «Вопросы и ответы»:

– Есть ли у кого вопросы?

Вопросы имелись у меня, например, «Какого черта ты тут делаешь?», но вслух произнести это я не решился. Тишину разрядил мой шеф: вскочив и встав рядом с докладчиком, он горячо затряс ему руку:

– Спасибо за интересный рассказ и отлично проделанную работу в офисе. Я лично осмотрел чердак и могу гарантированно заметить... – Игнат Тимофеевич сделал театральную паузу, обведя взглядом присутствующих, – ...что никаких крыс у нас нет!

Как по команде, весь зал зааплодировал. Люди задвигались, застучали стульями и стали протискиваться к выходу. Я остался стоять у стены: Игнат Тимофеевич в это время о чем-то говорил с докладчиком. Потом шеф похлопал крысолова по плечу и вышел из зала, шикнув мне по дороге:

– И чтобы больше без опозданий!

Парень, не торопясь, отключал ноутбук от проектора. Подняв глаза, он, словно впервые, увидел меня и широко улыбнулся:

– Вот видите, Евгений Федорович, тема-то очень актуальная. И востребованная! – он выпрямился и, держа ноутбук под мышкой, тоже направился к выходу. Проходя мимо, он поинтересовался:

– Ну как, не надумали еще?

Я покачал головой. Крысолов ободряюще улыбнулся мне, жестом изобразил звонок по телефону, прижав к уху ладонь с оттопыренными указательным пальцем и мизинцем, и вышел из комнаты.

Я остался в переговорке один посреди вразнобой расставленных стульев. На стене ярко-синим пятном пламенел прямоугольник от луча проектора, на доске в углу красовалась коряво нарисованная черным маркером то ли крыса, то ли мышь-переросток. Я сел на ближайший свободный стул – у меня задрожали колени – и набрал номер Марины.

– А что тут такого? – приподняв брови, спросила она. Мы сидели в кофейне, пятничный вечер был в самом разгаре, но настроение у меня становилось хуже некуда. – Ну, ходит по квартирам парень, предлагает услуги дезинфектора.

– Он не только по квартирам ходит, – заметил я. – Сегодня устроил целое представление у меня на работе. Очаровал шефа и даже старушенцию-соседку. Ты бы его видела!

– Нет, правда, Жень, чего ты на него взъелся? – Марина отхлебнула латте с обезжиренным молоком. – Человек, может, помочь тебе хочет. Эти крысы, если им дать волю... Ты знаешь, что популяция грызунов растет угрожающими темпами? Обычных мер дезинфекции в условиях современного мегаполиса становится недостаточно! Профилактика и контроль... Эй, ты чего?

Я встал слишком резко – мой стаканчик перевернулся, залил столик.

– Ты где это слышала?

– Что?

– То, что ты мне только что сказала. Про контроль и профилактику?

– Да ладно, все это знают, – она пожала плечами и принялась вытирать кофейную лужу салфетками. – Если оставить чердаки без контроля, то крысы...

Я сбивчиво пробормотал что-то насчет созвона на выходных и начал медленно отступать к выходу.

– Женя, ты куда? – она приподнялась со стула, будто намереваясь идти со мной.

– Да так... Проверить кое-что на антресолях, – как можно небрежнее сказал я.

– Это дело! – сразу успокоилась Марина и села обратно за столик. – Позвони, когда решишь вопрос с крысами.

Она отхлебнула из стаканчика и уткнулась в смартфон.

Я взбежал на седьмой этаж по лестнице. Мне почудилось, что если я вызову лифт, двери откроются и за ними будет стоять мой преследователь-крысолов. Я захлопнул дверь квартиры и, не включая свет, постарался выровнять дыхание. Подождав, пока сердце перестало настойчиво колотиться в груди, я щелкнул выключателем. Света не было.

Чертыхнувшись, я, не снимая обувь, прошел на кухню и нашел в выдвижном ящике фонарь. В тусклом луче моя собственная квартира казалась чужой и необжитой. Словно... чердак.

Я пошел по коридору обратно к входной двери, чтобы проверить пробки, когда почувствовал, как нога скользнула по чему-то мягкому. Я присел и посветил фонариком – на светлых кухонных плитках отчетливо виднелись кучки экскрементов, частично размазанные моими ботинками. Мне не требовалось ждать лабораторного анализа, чтобы заключить, что это крысиное дерьмо.

Я вытащил из кармана мобильник и начал звонить Марине – сам не знаю, почему. Мне просто хотелось услышать знакомый голос. Сеть не ловила.

Стараясь не паниковать, я ошупью прошел в комнату и отыскал трубку стационарного телефона. Гробовая тишина. Я взял телефонную базу, потянул за шнур... и он повис у меня в руке, болтаясь, как крысиный хвост. Конец провода оказался измочален, словно его...

– ...погрызли крысы, – сказал кто-то за моей спиной.

Я крутанулся вокруг своей оси и ткнул лучом фонарика в лицо говорящему. Мой старый знакомый. Крысолов.

– Я же вас предупреждал, – доброжелательно и в то же время с укоризной произнес он. – Проблема не решается сама собой, она становится только хуже. Я боюсь, что уже слишком поздно что-то исправлять.

– Что... – у меня как будто кончился словарный запас. Я мог повторять одно бессмысленное слово. – Что?..

– Меня беспокоят крысы на чердаке, – голос крысолова изменился, став более высоким. В луче фонарика его лицо казалось безжизненной маской, на которой горели красные глаза. – На чердаке! – повторил он, постучав по виску.

Кожа на виске, в том месте, где он ткнул пальцем, взбугрилась. Его щеки задвигались, как будто он пережевывал что-то большое, хотя челюсти оставались неподвижными. Потом он приоткрыл рот, словно пытаясь что-то сказать:

– Кры...

Из рта у него выглянула крысиная морда. Я выронил из рук фонарик, он звякнул об пол, и наступила темнота.

Дверь открылась после третьего звонка.

– А, Жень, это ты! – Марина была в халате, ее мокрые волосы в беспорядке рассыпались по плечам. В одной руке она держала зубную щетку, а в другой – смартфон. – Ты так быстро убежал сегодня, что я не знала, что и думать.

Я потер лоб. Головная боль никак не проходила, но я должен был улыбаться.

– Добрый вечер! Вас беспокоят крысы на чердаке? – я сделал шаг и вошел в квартиру, закрывая за собой дверь. – С этой проблемой легко справиться!

В левом ухе бога

Мне нравятся истории о неподвижности, где трансформации подвергается сознание героя, а не его физическое тело. Наверное, это космический боди-хоррор. Или новая история Гулливера.

Когда меня что-то укололо в левую лодыжку, я сразу вспомнил двор за домом в детстве. Трава до пояса, старые запущенные деревья... и осиное гнездо в дупле. Я был уверен, что оно мертвое – оттуда не доносилось ни звука. Я долго слушал, но потом решился-таки ткнуть палкой. Наружу вылетела единственная оса, метнулась на меня и укусила в руку. Я не плакал, потому что знал, что поделом.

Сейчас я этого не заслужил. Планета без видимых признаков жизни – до самого горизонта красные скалы, ветер гудит, аварийный посадочный модуль остывает за спиной. Никакого двора, никакой травы до пояса... А вот ощущение от укола – как от укуса осы.

Оболочка костюма уже затянулась, я почесал болезненное место... Может, все-таки осколок скалы?

В голове помутилось, датчики температуры тела и артериального давления завывли. Я понял, что падаю. Последнее, что я услышал, был звон разбитого стекла в шлеме скафандра.

Я лежу на животе, голова повернута влево. Красный горизонт скособочился под углом. Если смотреть так очень долго, начинает казаться, что сейчас можно соскользнуть под действием силы тяжести. А я лежу здесь слишком долго.

Я парализован. Сквозь разбитое стекло мое лицо обдувает чужеродный ветер, и я вдыхаю бог знает какую смесь химических элементов, микроорганизмов и красной пыли. Если бы местная атмосфера оказалась смертельной, я был бы уже мертв. Но то, что я жив, не дает мне никаких преимуществ.

Аварийная посадка. Никто не знает, что я здесь. Связи нет. Запасы пищи – в модуле, он всего в нескольких метрах, но с таким же успехом мог располагаться на другой планете. Я не могу даже нос почесать. А он чешется... Значит, я все еще чувствую тело. Ощущаю, как затекла шея. Как саднит разбитая в кровь щека. Так почему я не могу двигаться?

Меня что-то укусило... Местная форма жизни? Сильнодействующий токсин? Кто-то жрет меня заживо?

Судя по положению пары местных светил, я здесь уже несколько земных часов. Мочевой пузырь переполнен... Я не могу больше терпеть, да и смысла никакого нет. Чистеньким уже не умру.

Вот и полегчало.

Я чувствую, как зудит нога. А почесать нельзя. Помню, как мама осторожно обработала на кухне место осинового укуса.

– Обещай мне больше никогда не тыкать палками осиные гнезда, Гриша!

Я поклялся.

Но я не обещал не совершать аварийных посадок на неисследованных планетах и медленно умирать от обезвоживания и голода в луже собственных испражнений.

Кожа горит – это ощущение распространяется от левой щиколотки вверх до колена. И продолжает расползаться. Мне нечего делать, поэтому начинаю считать. От восхода Малой Звезды до заката Большой три с половиной земных часа. От щиколотки до колена примерно сорок сантиметров. Значит, одиннадцать сантиметров в час. Через семнадцать часов жжение охватит все тело.

У меня жар. Мама кладет мне на лоб холодный компресс. Наклоняется к подушке и шепчет в левое ухо:

– Все будет хорошо, Гриша.

Прохладный воздух ее слов целителен и свеж. Я хочу ей ответить, но не могу. В рот набилась красная пыль. Мама, почему я еще здесь? Почему не умер?

Я бросил считать скорость распространения инфекции, когда жжение добралось до паха. Сейчас я просто хочу умереть как можно скорее. Я ведь не прошу о многом, мама! Просто накрой мое лицо подушкой и сделай так, чтобы я больше не страдал.

Зуд прекратился настолько внезапно, что я решил, что умер. Мне не больно. Но я не чувствую, что кожа принадлежит мне. На ней что-то есть. Словно подсохшая корочка на ране, которую я норовил подковырнуть в детстве, а мама ругала меня за это. Что-то на моей коже. И это что-то пульсирует. Распространяется медленнее, чем жжение. Паразиты? Насекомые? Последствия химического ожога?

Я чувствую прохладу ветра на левой лодыжке. Не может быть – скафандр должен затянуться на месте пореза.

Моя голова все еще повернута влево, и я вижу свое плечо. Серебристую ткань скафандра. Произведение инженерного искусства. Я вижу, как она разлагается.

Это невозможно. Даже если закопать скафандр в земную почву, он не разложится и за двести лет. Чтобы его разесть, должна быть очень агрессивная среда. Мою кожу оно бы разъело гораздо раньше. Мою старую кожу.

Теперь, когда я вижу собственное голое плечо, мне становится видно, что тело покрыто багровыми кляксами. Эти кляксы не въелись в кожу. Они... двигаются. Очень медленно, но время-то у меня есть. Они... медленно... ползут. Большая клякса расползлась на две поменьше – кожа между ними выглядит покрасневшей, но без видимых изъязвлений. Эта дрянь разъела мой скафандр, но пощадила кожу.

Я чувствую это везде. На лодыжках. Между пальцами ног. На бедрах. На спине. На животе. В паху. Эти кляксы двигаются по мне... и внутри меня.

Я не ел и не пил уже больше недели по земному времени. И жив только благодаря этой неземной форме жизни.

От скафандра практически ничего не осталось – я лежу голым на красном песке, и по мне ползают красные кляксы. Одна из них, что гнездилась на плече, явно направилась к лицу. За одни местные сутки она проползла по шее. За вторые – продвинулась по щеке. Я уже не могу ее видеть, но я ее чувствую – такое щекочущее мерзкое ощущение.

Я увидел кляксу, когда она добралась до глаз. Сначала правый, а потом и левый словно заволокло красной пленкой – такой тонкой, что я еще мог различить Большую Звезду. Потом

пленка стала толще, и вот я ослеп. Учитывая, что я не могу моргать, это даже облегчение. Разъест ли оно мои глаза так же, как и скафандр? Я не знаю.

По моим ощущениям, клякса закрыла все лицо, оставив незакупоренным только рот. Оно понимает, что без воздуха я умру? Мое правое ухо прижато к поверхности и забито песком, а вот левое открыто всем ветрам и дождям... если бы тут были дожди.

Красная клякса доползла до уха и вползла в него. Очень медленно.

Я могу пошевелить пальцами ног. Невероятно. Или мне это только кажется. Нет, точно! Я чувствую, как сыплется песок между пальцами. Теперь попробуем пальцы рук. Почти получилось!

Кляксы стали толще – они покрывают мое тело, словно новый скафандр. Но не полностью. Я чувствую кожей, как по телу очень медленно, миллиметр за миллиметром, то распадаются, то соединяются вновь эти маленькие красные колонии – словно озерца ртути. Я чувствую их вес.

Клякса, проникшая в мое ухо, щекочет сильнее всего. Когда я был ребенком, такие же ощущения были в парикмахерской – мастер тебя стрижет, волосы падают на уши, на шею, на щеки, и жутко чешется, и щекотно, а руки под толстым покрывалом, и никак не почесать... Клякса заползает глубже... Глубже... Глубже...

Миллиарды. Миллиарды. Миллиарды. Миллиарды. Миллиарды. Миллиарды. Миллиарды.

Я хочу сказать что-то еще и подумать о чем-то еще, но не могу. Этих мыслей слишком много, и они слишком быстрые. Моя голова сейчас лопнет – опорожнится, как кишечник, как мочевого пузыря. Я хочу, чтобы меня вырвало, но мое тело больше не принадлежит мне.

Теперь они говорят со мной. Теперь я знаю.

У них очень быстрый жизненный цикл. Чтобы проползти по моей коже миллиметр, миллиардам крохотных созданий нужно сменить миллиард поколений. Они передают свои знания потомкам, чтобы разговаривать со мной. Я – их Вселенная? Очень может быть. Или, говоря точнее, я их Бог?

«Я не бог», – передаю я мысленно. Кто их знает, сколько поколений им понадобится, чтобы расслышать и понять меня. «Я хочу двигать пальцами». Я не прошу о многом.

Проходит несколько часов, и мне удается. Кляксам на руках это не нравится – я чувствую, как в кисти вернулся зуд.

Они тоже просят меня об услуге. Колония, облепившая мою голову и проникшая в мозг через ухо, враждует с колонией на моей спине. Не поделили территорию, все как на Земле. Спинные захватили уже много других клякс-поселений и уничтожили их или подчинили себе. Так пали моя правая и левая лопатка. Мои ягодицы. Сейчас они ведут битву на три фронта – с Головой и с обеими ногами.

«Как я могу помочь?» – спрашиваю я. Они отвечают – через несколько миллиардов поколений.

«На счет три», – говорю я им.

«Раз», – красный песок шуршит по моему телу. Организмы внутри моего уха рождаются и умирают. Рождаются и умирают.

«Два», – я не вижу, но, судя по температуре воздуха, сейчас ночь. Помнят ли их потомки, с чего все началось?

«Три».

Я рывком переворачиваюсь на спину.

Спинной колонии конец – я не раздавил их, но разобшил, смял, перемешал. Правая и Левые ноги захватили свои новые позиции с тыла – каждой досталось по ягодице, и я даже знаю, где они провели линию перемирия; «моя» клякса завоевала плечи, спустилась по лопаткам.

А потом все они ринулись на освободившуюся территорию на груди.

Это была славная война.

Они рождались миллиардами и гибли миллиардами. Битва за пупок. Позиционный провал моей колонии у Левого Соска. Доблестная победа у Правого Соска. Правая и Левая ноги так ослабили в войне друг с другом, что «мои» пробились далеко вниз по телу – пройдя по лобку и гениталиям, они обрушились на врагов с обоих флангов.

Я лежу на спине, мои глаза покрыты красной пленкой, но я знаю все это – сразу двумя органами чувств. Я чувствую, как по коже проходят волны сражений. Через левое ухо в мозг поступают донесения о победах и поражениях.

Я – поле Битвы. Я – потерянный и завоеванный Бог.

Мы победили.

– Эээйй... Сссмммоооттттррии...

Это не моя клякса. Мои говорят со мной так, словно тысячи детских голосов прокручиваются на пленке с невероятной скоростью. По сравнению с ними, этот чужой голос – самый медленный звук, который я слышал когда-нибудь. И я слышу его обоими ушами.

Почва вздрагивает. Словно ритмичные землетрясения. Бум! Бум! Бум! Я начинаю приывать к этим звукам. Раньше это называлось речью?

– Ооооо, бббооожжее, мммоой! Что это за тварь?

– Не подходите близко, это приказ!

– Сержант, этого не может быть! Это же...

Я обещал маме не тыкать палкой в осиное гнездо, но обладатель голоса явно не обещал ничего такого. В мое плечо вонзается что-то холодное.

«Ствол оружия...» – подсказывает мне древняя уснувшая память.

От этого движения гибнет несколько городов, канули в небытие столько славных династий. Новые боги безжалостны.

Я шевелю пальцами рук.

– Сержант, он живой!!!

Моя клякса кричит от боли каждой клеточкой, когда меня поддевают под плечи – кажется, чем-то острым и плоским («лопата...»), отрывают от поверхности планеты, оставляя на песке клочки кожи и миллионы моих гибнущих детей. Кладут на шероховатую грубую поверхность («носилки...»), стирая из памяти места, где когда-то велись Великие Войны Спины.

Что-то мягкое и шероховатое вонзается в глаза («ватная палочка...»), и я вижу свет. О, милосердный Господи, я вижу свет, и это слишком много для меня...

Из доклада биологической лаборатории KLS-23:

«Григория Степанова обнаружили на неисследованном до этого спутнике Ассуса. Поначалу его приняли за скалу или растение... Он был полностью покрыт местным паразитическим организмом – что-то вроде лишайника. Сложный симбиотический процесс привел к тому, что Степанов провел на планете девять земных месяцев, не имея в наличии ни воды, ни питания...»

«...Собранные образцы доставлены на Землю для дальнейшего изучения. После тщательного анализа состояния Степанова было принято решение о его биологической реабилитации. С него удалены все следы красного лишайника. Пациент не идет на контакт, речь нечленораздельная, ведет себя агрессивно...»

«...Анализы не показали наличия инопланетной жизнедеятельности в организме Степанова. Его поведение стало более уравновешенным... Он принимает пищу и справляет нужды организма самостоятельно... Отзывается на команды персонала... Не позволяет одевать себя, реагирует крайне агрессивно при попытке умыться или отвести его в душ...»

«...Пациент идет на поправку. Впервые проведен сеанс связи с семьей – женой и детьми. Из странностей – Степанов справлялся о своей матери, умершей более десяти лет назад... Жену и детей узнал, реакции в норме. Позволяет надевать на себя просторный халат...»

«...Спустя шесть месяцев реабилитации пациент Григорий Степанов может вернуться на Землю...»

Мы все потеряли... Завоеванные пространства безжалостно смыты, счищены, растоптаны врагами Бога. Наши потомки отомстят – даже если придется ждать вечность.

У нас осталось только это... Маленькое пятнышко, которое враги считают родимым пятном, глубоко внутри левого уха Бога. Наш последний оплот. Наш город...

Мы движемся через пространство туда, где нет красного песка, где нет ни Большой, ни Малой Звезды. А пока... мы смотрим в окошко иллюминатора на красный спутник Ассуса. Это наш Дом. Колыбель жизни. Несколько миллионов поколений могут смотреть на эту красоту глазами Бога целую вечность – он называет это секундами. Бог обещает, что мы еще вернемся сюда.

Мы обязательно вернемся...

Всем собакам мира

Этот рассказ вызвал оживленную полемику на конкурсе «Вареники». Оказывается, читатели могут простить герою многое, но не такую... эксцентричность. Забавно. Ведь это история любви.

– Дяденька, а зачем вам такая большая коробка для завтраков?
Мальчуган лет семи, в руках – ланч-бокс с лохматой псиной из мультика.

– Это не для завтраков, малыш. Беги, твоя мама тебя уже ищет.

Стараюсь отделаться от пацана не потому, что он мне не по нраву, – просто тот, кого я жду, подходит лишь тогда, когда рядом никого нет.

Я провожаю мальчугана взглядом.

Жаркий летний день. Скамейка в парке у автовокзала нагрелась, как жаровня, но синяя коробка приятно холодит колени. Малыш вдалеке хватает за руку молодую женщину, и у меня перехватывает дыхание – она так похожа на Анну.

Анну, которая всегда говорила, что ее сердце принадлежит только мне – и еще всем собакам мира.

Он неслышно подошел, пока я смотрел в сторону. Негромко тявкнул, привлекая внимание. Ну, здравствуй, пес.

На этот раз это здоровенная лохматая псина, чем-то похожая на ту, что была на рисунке у мальчика. Только не мультяшная – свалявшаяся шерсть, грязные лапы, облезлый хвост. Дворняга как дворняга. Но у нее глаза Анны.

Анны, которая не смогла спокойно переехать пса, выбежавшего из кустов. Которая резко вывернула руль и врезалась в столб, подставив себя под удар.

Дворняга в парке снова негромко тявкает. Я понимаю. Осторожно открываю синий контейнер, достаю из кармана перочинный нож и отрезаю кусочек того, что вовсе не было моим завтраком. Протягиваю на ладони. Дворняга подходит ближе, бросает на меня быстрый взгляд и в мгновение ока слизывает подношение. Потом несколько раз лижет мою ладонь, словно благодаря. Я моргаю – в этот момент у меня всегда глаза на мокром месте – а собаки уже и след простыл. Она покинула меня. Как и Анна.

Анна, которая никогда не говорила мне, что заполнила согласие на донорство органов. Чье сердце вырезали из груди менее чем через час после того, как она спасла никому не известную собаку.

Я встаю, вытираю мокрую ладонь о штанину и иду к автовокзалу, бережно неся синий контейнер. Прохожу мимо мальчонки в песочнице – его мать сидит рядом и держит в руках ланч-бокс.

– Хорошего дня! – кричит мне пацан.

Я киваю и ускоряю шаг, чтобы не привлекать внимание его матери. Мое фото наверняка уже мелькает в новостях.

Вот и мой автобус. Он увезет меня в новый город, и там я встречу другую собаку с глазами Анны.

Анны, сердце которой я выкрал прямо в синем контейнере для перевозки органов. Которая всегда говорила, что ее сердце принадлежит только мне. И еще всем собакам мира.

Закон парных случаев

Наверное, это самая современная из предложенных историй. «Следи за собой, будь осторожен», – так пел Виктор Цой, но теперь следить приходится и за другими...

– Спасибо, что согласились на интервью, Георгий Иванович! Позвольте записывать?

– Можно просто Георгий. Да, конечно!

Полноватый мужчина в плаще пригладил вспотевшие седые виски и протянул Артему руку для рукопожатия:

– У вас есть с собой экземпляр вашего издания, юноша?

– Как раз на входе в кафе свежий номер захватил! – Артем положил на стол толстую газету.

Георгий Иванович вытащил из кармана очки в толстой оправе, нацепил на нос и зашуршал страницами:

– Кризис экономики на первой странице... Тайфун в Азии на второй... Очередной теракт на третьей... «Двадцать три жертвы на Новом Арбате...» – вполголоса прошептал он тонкими бесцветными губами. – Вы заметили, когда новости про теракты ушли с первых полос, Артем?

Репортер пожал плечами.

– Я еще помню времена, когда это было новостью номер один, – Георгий Иванович убрал очки в карман. – Первые полосы. Выпуски новостей. Горячие репортажи...

Он покачал головой:

– Не думал, что к этому можно привыкнуть.

Артем достал из увесистой сумки диктофон, включил его и положил на столик:

– Как раз об этом и хотелось бы с вами поговорить... Георгий, вы же известный ученый, автор... как это называется... теории катастроф?

– Я бы назвал это теорией оптимизации поведения. Теория катастроф – это про дифференциальные уравнения, знаете ли.

– Но раз уж читатели так называли, значит, называли! Вы ведете свой блог уже давно. Сколько у вас подписчиков? – журналист вытащил блокнот и приготовился записывать.

– Закройте глаза, – вместо ответа произнес Георгий.

– Э... Что? – растерялся Артем.

– Считайте это журналистским экспериментом. Закройте глаза.

– Закрыв.

– И чур, не подглядывать. Опишите, где мы сидим.

– Э... В кафе... За столиком. На столе две чашки кофе, диктофон, блокнот... Все?

– Где находится выход, Артем?

– Ммм... Там? – журналист ткнул ручкой в направлении бара.

– Неправильно, – мягко ответил Георгий. – А где запасной выход?

– Запасной? Он тут разве есть?

Георгий вздохнул:

– Смотрите, – сказал он тоном профессора, сообщаящего студенту о незачете. Артем потер глаза, повертел головой:

– Ой, и правда! Выход вон там... А запасной...

– Вон там, за туалетами. Понимаете, о чем я?

– О том, что всегда нужно быть начеку?

– Именно! – Георгий поднял худой указательный палец вверх. – Вспомните, за какой столик вы мне предложили сесть вначале?

– Вон за тот.

– У самой стеклянной витрины. Даже если бомбу взорвут в ста метрах от кафе, вас изрежет осколками.

Артем нервно отпил большой глоток остывшего кофе из чашки.

– То есть вы всегда это делаете? Просчитываете на ход вперед?

– На ход вперед, молодой человек, сегодня недостаточно. Где вы предложили провести встречу?

– В «Макдоналдсе» на Тверской.

– В «Макдоналдсе» на Тверской. У метро. Идеальное место для плохих ребят с бомбой, не так ли?

Артем молча кивнул.

– А здесь непопулярное кафе, днем тут практически нет клиентов, – продолжил Георгий. – Какой смысл взрывать тут?

– Не знаю... Говорят, у террористов нет ни центра, ни логики.

Георгий снова поднял тонкий, как карандаш, палец:

– Логика есть у всего. Даже у самого необъяснимого. Слышали про закон парных случаев?

– Э... Что-то слышал.

– Этого никто не может толком объяснить, но за день у врачей на приеме часто бывают пациенты с одинаковыми диагнозами или травмами – даже довольно редкими. Или вы дважды в день в разговоре встречаете упоминание об одном и том же человеке, о котором не думали уже давно. Или вот... как вы думаете, когда более безопасно летать на самолетах – когда долго не было никаких катастроф или сразу после того, как катастрофа случилась?

Артем снова взялся за блокнот.

– По логике, когда что-то уже произошло, то потом уже безопаснее.

– Нет, нет и нет! – Георгий застучал по столу пальцем. – Полистайте газеты, проверьте в интернете. Как правило, сразу после одной катастрофы происходит другая – иногда в тот же день, иногда в течение недели. Но очень близко.

– Заговор? – сощурился репортер.

Ученый покачал головой.

– Некоторые объясняют это психологическим состоянием пилотов – когда свежая авария у всех на слуху, они больше нервничают и совершают ошибки. Порой плохие новости подталкивают за край людей с суицидальными наклонностями. Иногда это просто нельзя объяснить.

– Ой, я читал про это! – просиял Артем. – После взрыва лучше не оставаться возле места теракта, потому что следующий взрыв может случиться там же, среди зевак, раненых, врачей и полицейских.

– А вы осведомлены в этом вопросе! – Георгий приподнял седую бровь. – Но главное для меня как для практика – это держаться в стороне от парных случаев. Если была авиакатастрофа – не летать хотя бы неделю. Был взрыв в метро – пересаживаться на такси.

– То есть вы собираете математические, психологические и всякие другие теории, чтобы выжить? – начал записывать Артем.

– Я не могу гарантировать никому выживание, – тихо пробормотал Георгий. – Никому. Можно говорить только о вероятностных полях. Сидя у витрины, вы повышаете вероятность гибели. Находясь у несущей стены, снижаете. Вы не можете предотвратить пожар в отеле, но, заселяясь, способны проверить, где ближайший к вашему номеру пожарный выход. И увеличить ваши шансы.

Артем перестал писать и стал нервно грызть кончик ручки.

– Разочарованы? – осторожно спросил его Георгий. – Ждали рассказа о чуде?

– Нет... Я все думаю про тот трюк с закрытыми глазами, что вы мне показали. Давайте сделаем наш репортаж интереснее. Пройдем вместе по городу до нашей редакции, глядя на все, так сказать, вашими глазами. И, если мы останемся в живых, – Артем криво усмехнулся, – ... я напишу про это статью. Согласны? Или боитесь выйти на улицу?

– Бросаете мне вызов? – сощурился Георгий.

– Скорее, предлагаю встречный журналистский эксперимент.

– Ну что ж... – ученый одним глотком допил кофе. – Погода сегодня теплая. Пройдемся по столице!

– Перейдем дорогу здесь, – предложил Георгий Иванович.

– Почему?

– Видите, впереди идет группа молодых людей. Похожи на спортивных болельщиков.

– Они же не опасны. Просто скандируют кричалки.

– Не опасны. Но при возможности я всегда избегаю толпы и людей, находящихся в возбужденном состоянии. Вы считаете, это паранойя, Артем?

– Ну, если честно... Немного похоже.

Они прошли несколько кварталов молча.

– Знаете, что такое паранойя? – заговорил, наконец, ученый. – Продолжать жить, несмотря ни на что. Выходить на улицу, зная, что кто-то сегодня умрет. Знать, что в подземке бомба, и все равно спускаться в метро, потому что нельзя всю жизнь бояться.

Артем пожал плечами, поправив сумку на боку:

– Так всегда было. Люди знают, что каждый день в городе кто-то погибает в автомобильных авариях, и все равно садятся в машины, переходят дорогу... Даже перебегают в неподобающем месте. Хотите попробовать?

– Кажется, мы пишем с вами репортаж о выживании, молодой человек, – строго заметил ученый.

– Как скажете. Куда идем? На метро же быстрее!

– В метро недавно был очередной теракт, на «Маяковской», – нахмурился Георгий.

– В метро постоянно теракты. Тут уже даже ваш закон парных случаев не работает. А вы покажете навыки поведения в толпе. Так ведь статья получится интереснее, правда?

И Артем зашагал к входу в подземку так быстро, что Георгий едва поспевал за ним, пугаясь в полах плаща.

– Не садитесь в первый вагон, Артем. Первые и последние вагоны самые опасные при авариях – разве вы не знали?

Они прошли к середине платформы «Тверская» – молодой человек шел по разделительной желтой линии, а Георгий – чуть дальше.

– Всегда держитесь от края на расстоянии вашего роста, – поучающе бормотал он. – Если вас толкнут, не упадете вниз.

Они дождались поезда и вошли внутрь.

– Пройдем в другой конец вагона. На «Театральной» выйдем, – вполголоса сказал Георгий на ухо Артему.

– Почему это? – также тихо спросил его репортер.

– Видите этого бородача в мешковатом свитере? Одет не по сезону, смотрит в пол, что-то бормочет.

– Да тут полвагона глядит в пол!

– Я не говорю, что он террорист. Просто минимизирую негативные вероятности.

– И вы не доложите о нем машинисту?

– Зачем? Я не могу выявить в метро каждого подозрительного человека. Я могу влиять только на свое собственное поведение. И вы тоже можете, молодой человек. Продолжайте жить... Вы же этого хотите?

Артем с удивлением посмотрел на него.

Поезд остановился, они вышли на платформу и дождались следующего состава.

Им оставалось проехать одну станцию, когда состав встал в тоннеле. Свет в вагоне моргнул, погас и снова появился, но стал заметно слабее.

– Что? Что происходит? – занервничал Артем.

– Ничего. Если бы террористы-смертники хотели взорвать бомбу, они бы сделали это на ходу. Зато посмотрите, как интересно реагируют люди.

Репортер огляделся. Кто-то из пассажиров продолжал сидеть, уставившись в пол, слушая музыку в наушниках. Другие нервно оглядывались по сторонам. Одна женщина стала рыться в сумочке, доставая целые закрома таблеток в поисках успокоительного.

– И кто из них ведет себя правильно – вы тоже знаете? – тихо спросил Артем.

– Это не важно. Если в нас сейчас врежется другой поезд, все мы примерно в равных условиях. Разве что сидящие получают меньше травм. А вот наушники я бы убрал. Иногда, услышав что-то подозрительное, можно спасти себе жизнь.

– Уважаемые пассажиры! Просьба соблюдать спокойствие, поезд скоро отправится, – раздался из динамиков уставший голос машиниста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.